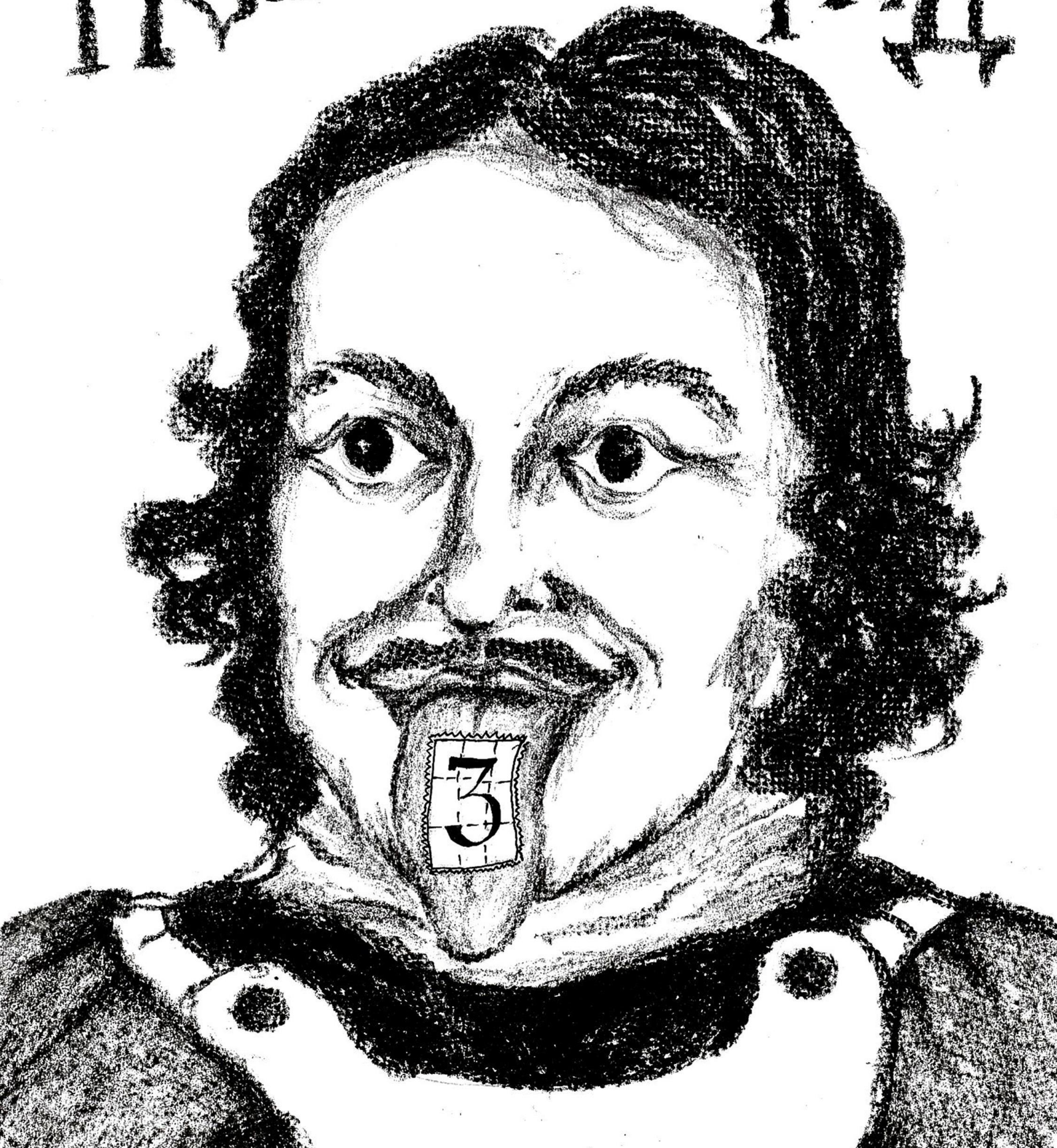

ПЕРВОТРАМНА

От составителей:

«Петрограунд» - это интернет-зин актуальной петербургской прозы и поэзии. Мы не связываем себя никакими амбициозными планами и задачами, и не обещаем выпускать его на регулярной основе. Задача зина – отразить «здесь и сейчас» в петербургском литературном андеграунде.

Среди авторов «Петрограунда» есть как коренные петербуржцы, так и петербуржцы «понаехавшие» (и даже поехавшие). Известные авторы и не очень. Объединяет их лишь стремление рассказать о своем видении быта и мифологии Северной столицы, а также нежелание следовать каким-либо литературным традициям и догматам официального литературного языка.

Ужас и мрак, красота и любовь, знаменитые петербургские дворы-колодцы, мрачные каналы, коммуналки и наркопритоны – всё это вы найдете на страницах журнала.

СПИСОК АВТОРОВ

ИВАН ЧЕРНЫШОВ.....	5
ЕВГЕНИЙ РОМАРКИН	7
ИННОКЕНТИЙ МОНОТОНУС.....	9
МАРИЯ РОМ	14
КИРИЛЛ ПОЕХАВШЕВ	19
СЕРГЕЙ «ШИПОВНИК» ЕФРЕМОВ	24
АСЯ М.	26
АЛЕКСЕЙ БОБРИК	28
АНДРЕЙ VLESIK.....	30
АЛЕКСЕЙ РУЧИЙ	34
ИВАН ПРИЯТНОГО АППЕТИТА	40
АДЕЛЬ ЭРНСТ	50
ВАСЯ БАБАЕВ.....	53
ЕВГЕНИЙ ФАКТОГРАФ	57
МИРЬЯМ РАНЬЕНБАУМ.....	59
НИКОЛАЙ ЕЛЕТИН.....	62
УБИЙЦА РАСТЕНИЙ	68

ПРОЗА

ИВАН ЧЕРНЫШОВ

ШЕПЕТОВСКИЙ ДЕДУШКА

Во время крайней волны эмиграции нам посчастливилось на два года захватить в квартиру в жилом комплексе «Зима-лето». Квартира была освобождена релокантом поспешно, и сдавали её удивительно дёшево, а главное – оттуда мне было близко до работы, так что нередко я ходил пешком.

Мой путь лежал насквозь через Большеохтинское кладбище – таков был кратчайший маршрут.

Прямо через кладбище в советское время провели новые проспекты, часть могил была утрачена, в том числе могила сына Достоевского Алёши, умершего от эпилепсии. Зато новые захоронения заполняли кладбищенские ряды уверенно и неумолимо.

Но на кладбище для меня было немного интересного, раз только я видел огромную чёрную собаку, невесть откуда возникшую – пронеслась мне навстречу, аж пар из пасти валил – и скрылась в глубине кладбищенской дорожки. Я первое время думал, что это был Баргест, дух моей смерти, но нет, как видите, я до сих пор жив.

Интересное начиналось после кладбища: я выходил на проспект Металлистов, а перпендикулярно к нему пролегал Шепетовская улица, где с одной стороны расположился Детский сад №22, а с другой – заброшенная психбольница, так называемая Шепетовка.

Горестной аллегорией была эта диспозиция: вся-то жизнь – сперва детский сад, потом – дурдом, а в конце – кладбище. И все на одном пяточке.

Психбольница сама-то по себе всегда дом скорби, а тут ещё и архитектура намекала: сюда попадешь – отсюда не выйдешь. Пять мрачных этажей с чердаком, фасад смотрится тяжеловесно и как будто меняет цвет от сырого охристого в дождливую погоду до бледно-жёлтого в солнечную. Истинно жёлтый дом-хамелеон!

Заслуживают упоминания и толстые секции бетонного забора, неуклюже и как будто неумело обнимающие дом, словно беря его в скобки – ничего они толком не ограждают, даже пихаемой где надо и не надо колючей проволоки сверху не протянуто – и как будто загораживают они больницу от тоже довольно неказистого стадиона «Турбостроитель» неподалёку.

Больница, как я сказал, была заброшена, с неё даже вывеску сняли. Однако она состояла на балансе, и когда-то там предполагался ремонт (ну, видимо, как станцию метро «Театральная» откроют, так сразу и займутся). Проходя мимо, я стал отмечать странности и нестыковки, сперва комичные, но затем они постепенно стали пугающими.

Комичной странностью я считал неадекватную заполняемость мусорного бака у дурки: я предполагал, что там должен быть сторож, но мусора в баке регулярно было полно – впрочем, ведь жители домов напротив тоже могли пользоваться этим баком, так что это было, пожалуй, не столь удивительно. Второй комичной странностью я посчитал гордое вывешивание флага на третьестепенный государственный праздник – довольно большой триколор повис над дверью без опознавательных знаков. На другой день его сняли.

А вот пугающие странности начались со встречи с одним подозрительным дедушкой: дело было после двадцати двух часов, я шёл со смены мимо больницы, когда меня позвал старческий голос, причем эдак нараспев: «Молодо-о-о-ой человек!» - я присмотрелся и увидел возле бетонной секции долговязого старика в берете, похожего на булгаковского Мастера в старости. Также внешность деда напоминала Дон Кихота и извращенца Герберта из мультсериала «Гриффины»: худоба, прищуренные глаза, потухший взгляд, сетка морщин покрывает лоб, нос как будто висит

корнишоном. Дедушка был выбрит и одет в короткую куртку болотного цвета. Дополнял его outfit «поэтический» шарф, надетый поверх куртейки.

«Молодо-о-о-о-ой человек! - снова протянул дед, - А вы знаете, что можно оформить карту «Уралпромсвязьбанка», и они зачислят тысячу бонусов на карту «Магнит»?»

Я, конечно, сильно смутился, но пробормотал: «Буду знать, спасибо!» и ускорил шаг, думая, что ничего, мало ли, дед может жить тут рядом или посещал могилу кого-то из родственников, и вот решил поделиться новостью, тысяча для него – это много, поговорить ему не с кем, вот он проходим и рекламирует.

Через пару дней я снова встретил этого деда, также вечером, почти на том же месте, одетого точно так же. Дед меня узнал и пропел «Я вам рассказыва-а-а-ал про карту?», я кивнул и буркнул «Да-да!» и начал уже удаляться от дурки, когда дед заявил: «Вы мне не верите, а я вам её сейчас покажу!» - я обернулся и увидел, как дед движется ко входу в больницу, поясняя: «Забыл кошелёк, сейчас я за ним схожу, подожди-и-и-ите», - открыл дверь и скрылся в помещении дурки.

«А, наверное, это сторож!» - решил я и спокойно пошёл домой, не дожидаясь возвращения деда.

На следующий вечер дед как будто караулил меня: «Что-о-о же вы ушли вчера-а?» - с укором спросил он, стоя в этот раз непосредственно у двери больницы.

«Торопился», — неприятливо ответил я.

«А сегодня не торопите-е-есь? А не то заходите ко мне, чаю попьём, карты посмотрим. У меня много ка-арточек разных».

«В другой раз, извините», - ответил я, убеждаясь, что вчерашнее предположение о том, что дедушка – сторож, верное.

Ещё несколько дней спустя дверь в больницу была открыта, что называется, нараспашку. Я остановился и заглянул внутрь, но толком ничего не смог разглядеть – свет не горел. Зато меня, вероятно, увидели, потому что я услышал знакомый дедовский голос, в этот раз, правда, он звучал умоляюще:

«Молодо-о-ой человек, это вы-ы-ы? Вы-ы-ы знаете, мне на ноги упала напольная вешалка, вы не подойдёте, не выручите меня, а то мне никак».

«Какие дешёвые трюки», - подумал я и сказал ему вслух, что сейчас вызову скорую.

«Да скорую не на-а-адо, я не так чтобы при смерти, но если вам не-ельзя тяжёло-ое...», - лепетал дед, когда я уже общался со скорой.

Диспетчерка не удивилась, что я вызвал скорую на адрес Шепетовки (возможно, просто не знала, что это за место). Я сказал деду, что скорая сейчас приедет, попрощался с ним, а сам перешёл дорогу и стал дожидаться у ворот кладбища.

Полчаса спустя скорая приехала, сотрудник вышел из машины и осмотрелся вокруг будто с непониманием. Я подошёл к нему и сообщил, что это я их вызвал.

«Где больной?» — спросил он.

«Так вот он, в больнице, это сторож, дедушка», - объяснил я.

«В какой больнице? - нахмурился мой визави, - Нет там никакого сторожа, всё опечатано давно».

На этой фразе я обернулся к больнице и обнаружил, что дверь не просто закрыта – на ней действительно красуется бумажка с синей печатью.

«Опечатано», - прошептал я.

«Может, это вам помощь нужна? - поинтересовался сотрудник скорой, - Дедушки вам мерещатся».

«Вы знаете, мне действительно стало нехорошо», - ответил я.

Мне измерили давление, оно оказалось существенно пониженным, мне сделали укол, строгим голосом велели записаться к терапевту и уехали.

Больше той дорогой я не ходил.

ЕВГЕНИЙ РОМАРКИН

В НАШЕЙ ГОЛУБЯТНЕ ВСЕ ЦВЕТА ИЗМЕНИЛИСЬ

Фома сидел в чердачной полутьме на куче битого кирпича с пакетом клея и разглядывал свои рваные ботинки. В то время я его еще недолго знал: он обесцветил волосы, а я простодушно считал нового приятеля блондином. Так вот, глядя на свои ботинки, он лениво ковырял в дырке, из которой торчал грязный палец ноги, свободной рукой, и, по временам делая несколько вдохов из желтого от клея полиэтиленового пакета, монотонно бормотал:

- Ноги пАлят... ноги пАлят...

- Кто палит? – поинтересовался я.

- Бичи...

- Кто-кто?

- Это Пионер. Больше никому. Только он и умеет, - отвечал он и продолжал, - палят ноги... ноги палят...

Пионером называли одного фоминского родственника, интернатского. Тот отличался еще более крутым нравом. Его все боялись. Рассказывали, что как-то Пионер на спор выпрыгнул на кирпичи с третьего этажа, и ничего с ним не стало.

Через некоторое время Фома сосредоточенно посмотрел на свой пакет, как бы светящийся в чердачном полумраке. Вдруг лицо его выразило этакое радостное узнавание, как, скажем, если бы он встретился со старым другом, который за время разлуки успел немного измениться.

- Бантичек... цветочек... - заговорил Фома, давась слюной, показавшейся у него по углам рта, - я б вас всех забрал с собой... мне так вас жалко...

Затем токсикоман несколько минут смотрел то на пакет, то на ноги, то на меня, то на слой перемешанного с голубиным пометом керамзита.

Вся его радость исчезла: лицо приобрело растерянное, озабоченное и испуганное выражение.

- Мать твою! Кто это палит? Пионер, ты, что ли? Знаешь, (ко мне, таинственно) это только он может. Я работал с ним на Клондайке. Простая работа и высокооплачиваемая. Целый день сидишь у такой кучи всяких игрушек (показывает руками, какая куча) и наклеиваешь на каждую ярлык. Говорю тебе, заебись место было. Но ведь в Библии сказано, что в последние времена все вещи будут учтены, и на каждой стоять определенная пометка (посмотрите-ка, какой он, оказывается, богослов! - мелькнуло у меня в голове) Вот именно! А вот эти чашки... - тут он захватил с пола горсть шлака, - это он, бля, палит, Пионер!

- Какая куча там? – переспросил я, ведь на самом же деле интересно.

- Пошёл ты, - ответил мне Фома без выражения, очевидно, почувствовав в моём тоне оттенок иронии.

Некоторое время мы просидели молча. Неожиданно он обернулся назад и возмущенно закричал, срываясь по своей подростковой привычке на визг:

- Чё вы меня хлещете, э? Моя мать и так на вас подала уже в арбитражный суд!

- Это ты кому?

- А чего эти ивы хлещутся? - он продолжил, увлекаясь своими словами, - такая бабка же есть, она по всему Аэродрому ходит. С клыками-то такими, ещё... и мне говорит, бля: «Молодой человек, вы не могли бы меня вывести за город, если не затруднит?» А я ей: «А чё стало-то?»

- А она чё?

Фома надолго умолк. Наконец поднялся во весь рост и зашатался на месте, чернея на фоне отдаленного света от слухового окна. В своем бомжовско-интернатовском пальтишке, маленький, кривоногий - ни дать, ни взять - паучок, чертенок - с таинственным видом он проговорил:

- ВСЕ ЦВЕТА ИЗМЕНИЛИСЬ...

И вправду, наша голубятня переливалась теперь всеми цветами радуги, и особенно синим с лиловым. Предметы потеряли форму, ускользали и плыли, как гигантские медузы в полутёмном мерцающем пространстве, ставшем вдруг плотным и почти непроницаемым.

Фома протянул руку, стянул к себе кусок желеобразного воздуха, и тот просочился между его пальцев, как солидол.

- Поддай парку! - велел он и вывернул пакет, - да как следует!

Вывернутым пакетом он начал охаживать себя по плечам, словно веником, на меня попали брызги клея, смешанного со слюной.

Я смотрел на него и не знал, что тут и сказать. Мне было боязно, но в то же время любопытно.

- Все цвета изменились, - прохрипел он таким тоном, что я уже реально испугался. - Так! Отчего же это подданные сидят при Падишахе?!

Не дожидаясь продолжения, я вскочил, пролез под поперечной балкой, установленной примерно на уровне пояса, отбежал к выходу и встал в прямоугольнике слухового окна. Фома, судя по звукам, продолжал хлестать себя пакетом по бокам и по плечам, приговаривая, причём виртуозно меняя интонации от крика к шёпоту, примерно следующее (привожу то, что расслышал и запомнил, а матерные выражения опускаю):

- Токсичности, конечно, недостаточно. Но звезда на полу уже появилась. Ексте... Это Пионер сделал. Я больше никого не знаю, кто на подобное способен. Верись, нет, это Пионер. Эй, Пионер, выходи! Я заметил уже, где ты от меня прячешься!

Эти слова, судя по всему, были обращены ко мне. Потихоньку, пригибаясь и соблюдая другие меры предосторожности, я вернулся назад. Фома уже сидел на прежнем месте, на куче битого кирпича. По плечам у него жёлто-серыми погонями стекал клей. Пакет валялся на полу, весь в грязи и помете.

- Джокеры никогда не сдаются, и я - Скорпион, - сухо констатировал токсикоман, - так что и не пытайтесь взять меня живым...

- Дык и не пытались, - пробормотал я в ответ.

- Ах ты, сука, - проговорил он тихо, но зато с таким напряжением, что я опять испугался, - ах ты, сука!

Я и понять не успел ничего, как прямо в солнечное сплетение мне прилетела пущенная с небольшого расстояния половинка кирпича. Даже загнулся чуть от боли:

- Фома, дык ты чё, э!

- Только Пионер мог так сделать, - продолжал Фома, - только Пионер.

Говорил он, словно захлёбывался, да ещё с такой картинной страстью. Мне было уж совсем не по себе: пора срочно что-то предпринять или уходить.

- Фома, э, чего это с тобой, э?

- Это ты? - спросил он и посмотрел на меня (в полутьме блеснули белки его глаз) снизу вверх долгим взглядом, - это ты что ли? Ты ли это?

- Фома, пошли отсюда, - попросил я, - ты что-то шумишь больно...

- Это мог сделать только Пионер, - заключил Фома и второй раз швырнул в меня кирпичом с такой силой, что, не отскочи я в сторону, худо бы мне пришлось, - только Пионер! Идите вы на хуй! Джокера поймать невозможно!

- Фома, - в последний раз обратился я, уже вылезая на крышу через слуховое окно, - пошли домой, э?

ИННОКЕНТИЙ МОНОТОНУС

БЛОК

Эта шалава, грязная потаскуха. Надо провести черту, не думать об этих дешёвых скоморохах, что развлекают её своими барабанами, трелями, танцами. Трясет там своими прелестями, бродя между рядами, подыгрывая каждому встречному, всем озабоченным слюнтяям и босоногим шалопаям. Поддакивает их низостям, глупостям, дерзостям, поощряя голой задницей совершённые в честь себя преступления. Сука, сука обнаглела, пропиталась вседозволенностью и трясёт, трясёт своими влажными выделениями во все стороны. А желторотые и рады, рты раскрыли, да воровские культяпки оттопырили и ловят, ловят желанные капли. Ни дать, ни взять – гусеница-королевна со своим парадом слизняков. Куда только смотрят их матери-торговки?! Кого-то ведь точно убьют – ну, вот, уже убили!

Так! Стоп! Прекратить думать о ней! Вот камень большой, крепкий, неприступный, а главное – холодный. Не пыжиться, высекая искры из него, но стать им. Я же всегда знал, всегда, что достоин большего, чем она, чем её похотливое непостоянство, просто, просто на несколько лет потерял бдительность, поддался каким-то фантазиям, ну и встрял. Пора положить конец этому мракобесью, вот сяду на камень – нет, на бетонный блок. Без неровностей в рельефе, абсолютно гладкий. Только ржавые крючки торчат по сторонам. И пусть торчат, кто-то же тягал его через озеро, через море, через жизнь. День за днём, шаг за шагом, немой мужицкий труд.

Солнце скроется за тучей, как и память о ней. Кого-то убили, но уже всё равно. Вода всё прибывает и прибывает, скоро их языческую ярмарку затопит, а я останусь сидеть на бетоне. Никого не жалко, ничего не жаль, по водной глади клубятся и пенятся барашки, а птицы перестали летать вокруг. Их больше нет, галдят и гадят по ту сторону тучи.

Из толстых белых стен частично затонувшего мужского монастыря выплывает небольшой пароход, вероятно, корабль береговой охраны или что-то близкое по назначению, функционалу. Горят синие и красные маячки, в иллюминаторах судна снуют туда-сюда люди-тени, чётко видна только монолитная фигура капитана, не покидающего ответственного поста за штурвалом. Он глядит куда-то вдаль, от меня вбок, идёт уверенно, чётко по заданному курсу и курит трубку. Бьюсь об заклад, что-то крепкое, какая-нибудь дерущая юнгам горла дедовская махорка. Прямо над капитаном из рулевой рубки рос могучий ствол чёрной металлической трубы, из которой валил не менее чёрный дым. Царство дыма внутри и снаружи успокаивало.

Вместе с разбитыми ракушками и тиной пена приносила к моим ногам мёртвую рыбу. Видать, напарываются на разбитые ракушки и мрут. То есть сперва запутываются в тине и, лишаясь подвижности, напарываются, режутся и мрут. Может, сегодня какой-то важный религиозный праздник?

Камень-блок упёрся боковой гранью в мужской монастырь, став чем-то вроде его причала или ступени. Но я чувствовал это не так, чувствовал, насколько он незыблемее и прочнее каждого купола, колокола, креста. Да, это сам монастырь пристроился к камню и стал чем-то вроде громоздкого набалдашника моему блоку. Цепляется за ржавые крючки, пытается спасти свои фолианты, иконы от наводнения. Пытается выжить за счёт мужика.

Из арочного витражного окна монастыря на мой блок как на подиум вышла девушка – раскрепощённый вариант модницы двадцатых-сороковых годов двадцатого столетия, чей возраст мог варьироваться от двадцати до сорока лет. Красивая, как героиня нуарного кино, с тёмным каре, в шляпке-клош с сетчатой вуалью на глаза и мундштуком без сигареты. Принял её за француженку, чувствуется порода. Меня не замечает. Облегающее чёрное платье никак не

скрывало точёную фигуру. Оно ещё и расползлось по швам, высвобождая соблазнительные изгибы, натренированные мышцы.

Модель смотрит в окно, из которого ранее вышла, оттуда раздаётся звук шипения старой плёнки, выглядывает кинокамера. Актриса встаёт к ней боком, но вуаль направлена в объектив, откладывает мундштук, руки на талии, одна нога вытянута назад, другая полусогнута вперёд. Улыбается камере, грациозно вращает головой из стороны в сторону, шляпка не падает и не сползает. Приоткрывает рот, помада ярко-красная. Всё ясно, снимают эротику. Однако девушка не спешит кокетничать, менять позы, призывно трогать себя в интересных местах, хотя в порыве обнажает упругую грудь второго размера, напомнив ту женщину, что стала символом французской революции. Просит называть себя «Quarter», после чего произносит долгий пространственный монолог, результатом которого не удовлетворяется, просит ещё дубль. Потом ещё дубль, так как и следующая попытка отправляется в архивный мусор. Неудача сменяется неудачей, за ней ещё одна попытка, ещё один дубль и т.д...

Темы в повторяющемся раз за разом монологе затрагивались важные, в основном про свободу, в основном про сексуальную, часто повторялись термины «табу» и «эмансипация», брались и препарировались связи как таковые, в них женщины получали приоритетное право на полиамирию за счёт чувственного превосходства, в ответ на века духовного порабощения. В общем, наступила пора менять сознание людей, для чего нужен идеальный монолог, составить который девушке не удавалось.

Но оно и понятно, для идеального монолога нужен идеальный первый камень в фундамент, лучше – полноценный блок с крючками. Тут у нас вообще-то вода кругом прибывает, и без крепкого фундамента ты, красавица, быстро отправишься на дно со всеми остальными. Но моделька моей мудрости не чувствовала, всё вертела руками, сигнализируя оператору: «Стоп», «Заново!», «Ещё дубль!». Причём проделывала она эти жесты как бы заранее, не прерывая текущий монолог. Девушка доводила каждую попытку до конца, независимо от того, насколько провальной та ей казалась. Профессионалка, ничего не скажешь.

Камера если и прекращала шипеть-потрескивать, то только для того, чтобы с новой силой затрещать-зашипеть, возобновив съёмку через пару секунд после конца предыдущей. По ту сторону поощряли креативный контроль, власть модели на площадке. Доверие техники, легитимизованная ею власть девушку опьянили, в порыве пьяной откровенности она заговорила о кризисе жанра, которым занимается. О потере самой сути соблазна.

Девушка углубляется в историю, вспоминает о сексуальных традициях Вавилона и даже раньше. Восходит к каким-то мифологическим формам и нечеловеческим расам, я к тому моменту совсем перестаю что-либо разбирать, просто смотрю на её страсть, её красоту и галлюцинирую. Перед глазами проносятся мозаичные коконы, похожие на саркофаги египетских фараонов и железных дев. Как эти коконы пытаются спариваться между собой, а сверху на эти трущиеся друг об друга гробы падают кремово-белые капли маточного молочка.

Речь модели изменилась, стала торжественной, она, наконец, довольна тем, что сходит с её уст. Можно сказать, теперь она говорила от души, хотя я не уверен, что это христианская душа так проявляла себя, откуда ей знать о мире до Вавилона, до человека. Нет, тут явно какое-то потаённое женское нутро, за вуалью скрывался великий дар-проклятье от праматерей. Сколько загадочной силы в её словах, я слушаю очень внимательно, но, к сожалению, ничего не могу запомнить. Наверно, я слишком сроднился с моим бетонным блоком и уже не мог ни взлететь, ни нырнуть вслед за такой, как она.

Ветер усилился, девушка растворилась, словно мираж. Мне грустно, горькое тяжелое чувство сдавило грудь. Что это? Неважно. Важен блок.

Я смотрю вдаль, море беспокойно, всё чернеет, что-то из откровений модели явно разгневало Посейдона. Царь пучин поднимал свои волны выше и выше, а на горизонте по его велению возник небольшой торнадо. Я сперва испугался, что он разрастётся, и гнев бога направит крушителя на остатки цивилизации, но ничего подобного. Торнадо вёл себя, как зверёк-детёныш,

игрался, резвился, руководствуясь невинным любопытством, а не хищными инстинктами. Вращался юлой по водной глади в хаотичных направлениях, то приближаясь к моему блоку, то удаляясь обратно к горизонту. Вперёд-назад. Вправо-влево. Казалось, что малыш преследует собственный хвост. А ещё казалось, что в отличие от модели-француженки, торнадо замечает моё присутствие, и компания доставляет ему искреннюю щенячью радость. Ему всячески хотелось развлечь нового друга, повертеться-покрасоваться перед внимательным зрителем. Я проникся к нему симпатией и наблюдал за его выкрутасами, как хозяин за питомцем на прогулке.

Мимо причудливых траекторий торнадо проходил пароход капитана. В его рубке сохранялось абсолютное спокойствие, корабль всё также чётко следовал заданному курсу, даже не пытаясь разминуться с гиперактивным соседом. А ведь дым из паровой трубы явно заинтересовал зверька, но он то ли из-за воспитанности, то ли из-за пугливости не рвался к нему очертя голову, а подбирался осторожно и где-то в радиусе трёх метров прекращал всякое сближение. Этой дистанции торнадо хватало, чтобы отловить пару заветных клубков-колечек и сразу же с ними отпрыгнуть, удовлетворив на короткое время своё неуёмное любопытство.

Я вовсе не ревновал дитё, напротив, пускай себе гуляет, обнюхивает, познаёт мир. К тому же фигура капитана вызывала у меня полное доверие. Каждый мальчик, каждый потенциальный мужчина мог многому научиться у столь многоопытного дядьки. У старого морского волка! Перенять лучшие качества, как человеческие, так и профессиональные.

Кажется, слаженность перемещений парохода и торнадо отразилась на настроении океана. Посейдон успокоился, выступившие на его лбу вены-волны разгладились, стали бледнее, ниже. И правильно, негоже верховному богу так переживать и психовать из-за женщины. Особенно, когда на тебя смотрит самый настоящий монолит. И речь не о капитане, а о моём блоке. Ему не нужно беспрерывно смолить махорку, чтоб сберечь нервы. Никто не сможет сравниться с ним в постоянстве. Он непоколебим, всё разобьётся о его твердыню. Любая изменчивая стихия.

На горизонте появилась первая птица. Вот и жизнь возвращается вместе с живностью. Такими темпами скоро и новую ярмарку организуют. Даже как-то жаль, я успел привыкнуть к всеобщему вымиранию.

Но что-то с этой трясогузкой было не так. Во-первых, предвестница весны летела на прямых крыльях, без взмахов. И летела довольно быстро, будто не чувствовала сопротивление ветра, будто не летела, а пикировала, приметив добычу впереди, ни на сантиметр при этом не снижаясь. Клюв птицы не размыкался, позволяя ей как стилету пронзать воздушные доспехи непогоды.

Во-вторых, становилось всё очевиднее, что пернатый хищник никакой трясогузкой не являлся, а был крупной чёрной вороной размером минимум с орла. Я как-то почувствовал, что это именно ворона, а не ворон. Вернее, пол мне подсказала холодная поверхность моего блока.

Ворона попала под торнадо в тот момент, когда зверёк отправился исследовать дальние траектории, временно отстав от корабля и капитана. Я думал, что птицу закружит-разорвёт в центрифуге моего неугомонного приятеля, но нет. Вместо этого пернатая дьяволица собственнокрыльно расправилась с малышом, даже жёстче, чем с его старшим братом – ветром. Её хищный полёт несколько не прервался от столкновения, но и навывлет она не прошла, проделав сквозную рану. Нет, ворона осталась внутри, захватив в когтистые лапы эпицентр воронки. Теперь уже не вольный зверёк, а зверёк на привязи, зверёк-зомби, беспрекословный исполнитель воли, и доспех чёрной твари бороздил просторы океана, точнее гнал по направлению, заданному для него новой хозяйкой. От впитанной птичьей злобы тромб увеличился в два раза. Вздулся, как гнойник! И куда только смотрит его туча-мать?! Вряд ли она желала сыну такой компании, выпуская его погулять! Как пить дать, долго он так не проживёт!

Беспокойство вернулось, и я принялся нервно поглаживать всё такой же холодный и ровный блок. Вверх-вниз, влево-вправо, по часовой – против часовой. Но эти натирания не помогали, в чём целиком и полностью я винил себя. Слишком я слаб по сравнению с блоком. Он и не должен меня утешать. Тогда я начал ритмично раскачиваться вперёд-назад, губы сами

зашептали в такт что-то нечленораздельное, что я и сам не мог разобрать: «Омг, омг, ...зы, зы, ...баххва, бакхва!». Уверен, если бы поблизости был барабан, я бы схватил его и принялся настучивать охватившую меня тревогу. Но барабан, конечно, не возник, пришлось хлопать в ладоши. Становилось ли лучше? Не знаю, кажется. По крайней мере, возникло ощущение, будто эта трясогузка помогала мне как-то справиться с давлением вороны на внешний мир. Да и на внутренний. И да, это был шаг назад, шаг от блока к человеку, но к человеку особенному, чья душа готова к инициации – быть растерзанной Матерью - Хищной Птицей. Или ржавыми крючками блока-отца.

Гибрид вороны-торнадо во все крылья, на всех оборотах приближался к берегу. Нас ждала расправа над остатками цивилизации, стремительная и беспощадная. Но корабль береговой охраны перегородил путь апокалипсису. Их траектории просто не могли не пересечься, всё было предопределено. Финал трагедии, роковая встреча. Будучи маленьким, но самостоятельным зверьком, торнадо предпочёл бы избежать столкновения с пароходом, но ведомый вороной зверь, раздутый и обзолённый, без тени сомнения пёр на таран. Двадцать метров. Десять. Пять. Три. Катастрофа неминуема! Что мне остаётся?! Смотреть на это, не в силах помочь, смотреть во все глаза, всё интенсивнее качаясь, хлопая в ладоши, бормоча молитвы. Как глупо. А что мой блок? Он всё также спокоен. Знает, что всё предопределено.

Но в самый последний момент птица-кукловод сделала взмах левым крылом, и смерч-кукла ушла вправо, всего в полуметре прокрутившись от кормовой части корабля. Однако на этом манёвр пернатой не закончился. Избежав аварии, она сделала взмах правым крылом, и ручной зомби-тронб принялся преследовать капитана, но, не обгоняя, а с той же скоростью, действуя на нервы, заставляя многоопытного моряка курить-дымить, пытаться оторваться, пока он в порыве отчаянья-самодурства-храбрости не приказал бросить якорь посреди океана. Чтобы принять удар на себя, а заодно и подвести под удар пароход и команду, ведь все они – часть его. В общем, принял за всех решение – умереть героями. Однако ворона и здесь не хотела уступить, сжала когти и остановила торнадо в том же полуметре от кормы. Явно издевалась над прожжённым любителем махорки, срамя его авторитет. Эта хватка оказалась для вихря весьма болезненной, заставила малыша согнуться под углом в девяносто градусов, приблизив его вплотную к пароходной трубе. Чёрная дьяволица разжала когтистые лапы, вскинула их вверх и, игнорируя атаки басом и дымом, впилась в крутящийся на рубке радар. Игра теней по окнам и палубам приобрела лихорадочный характер. Только капитан сохранял самообладание, не покидая ответственного поста. Он до последнего крутил свой штурвал, крутил и курил, пытаясь вырваться из смертоносных когтей. Но тщетно. Ворона рывком дёрнула антенну на себя, и пароход береговой охраны наклонился.

Меня кто-то аккуратно теребит за плечо. Оборачиваюсь. Женщина. Девушка. Кажется, лет двадцати. Облачённая в чёрную мантию с головы до ног. Открыто только лицо. Бледно-зелёного, оливкового цвета. На правой щеке родинка. Большие чёрные глаза, которые нравятся поэтам. Любимые ими пылающие очи. Вот только чего они горят? Что заставляет её очи так светиться? Интерес? К моей скромной персоне? Что-то я сомневаюсь в его искренности. Её ли это интерес? Или выдрессировали в секте улыбаться по щелчку пальцев? Веришь в то спасение, что собираешься мне предложить? Веришь, что, наслушавшись речей твоих, я стану твоим духовным братом? Почему ты, имея восточную наружность, ходишь в православных одеждах? Или это католические? Где паранджа, где маска, где чалма? Спрятала за апостольником? А где твой крест? Кого пытаешься обмануть? Мой блок?

Девушка что-то говорит полушёпотом. Не могу разобрать что. Голос мягкий дружелюбный. Часто повторяет слово «любовь». Хочется поменять его на слово «милость», или «умиление», потому что мы с ней по-разному понимаем “любовь”. Хочется сказать: «С твоей пародией на любовь – иди зверюшек люби. Впадай в прелесть, глядя доберманов, щекоча крыс. А я не соответствую твоим ожиданиям и не захочу им соответствовать. Не хочу быть тебе ни псом, ни сыном, ни образцовым мужем!». Любовь, любовь, любовь. Зачем она повторяет то, чего не знает?

Её тройная любовь – это милость, умиление, приспособленчество. К чему она всё это говорит? В чём суть? Не понимаю ни слова. Что она говорит? Наверно, то же, что и та моделька. Все вы говорите одно и то же. Даже если звучите по-разному. Хотя и в разных колокольнях вам закладывало уши. Все, как одна.

Я мог долго её слушать, благо она не собиралась останавливаться. Всё говорила и говорила. С горящими глазами. Но время шло, а у меня появился к ней вопрос по существу:

- Ты знаешь, что это за ворона? Вон там.

Я указал на сцену крушения. Она посмотрела или только сделала вид, что посмотрела. Открыла рот, чтобы ответить или чтобы отбрехаться. Увы, я этого не узнаю. Может, и ответила бы, а, может, и нет. Но одно я здесь усвоил – не верь глазам своим. У истинного камня нет глаз.

Кто правил океаном? Посейдон? Ворона? Из-за его/её мигрени ветер вновь усилился, поднялись волны, и водяной вал в десять метров неумолимо надвигался на мой блок. Монашка, не отвлекаясь, смотрит на меня, тянет руки, просит, чтобы я их схватил и не отпускал. Я замешкался. И вместо меня её забрала волна. Подбросила, открыла пасть, проглотила и засосала в противоположную от меня сторону. Руки девушки ещё раз мелькнули у самого обрыва. Наверно, и тогда я мог её спасти, зацепившись за ржавый крючок. Но не спас.

Я всё же попытался исправить последствия своей забетонированной пассивности, ринулся к краю камня, склонился и сунул голову в воду. Какая-то потусторонняя сила затягивала монашку в самую пучину своего зелёного царства. «Ад», - мелькнуло в голове, но неосознанно. Она тонет, однако продолжает тянуть руки ко мне. Или к кому-то ещё. К блоку? Должен ли я вообще что-то предпринимать? Виноват ли я? На её бледном, подсвеченном нефритом лице застыла мольба. Что ты хочешь? Спасения? Глаза широко открыты. Чёрные, пречёрные, будто в них уже поселилась бездна. Но чья? Моя? Блока? Или вороны над моей головой. Девушка уже слишком глубоко, я бессилен. Поглощена. Лишь щупальца водорослей трепещутся от пузырей.

Жаль. Ответ был как никогда близок, но мне не хватило смелости. В очередной раз. Я сажусь на блок, прислонившись спиной к стене монастыря, прекрасно понимая, что подобные негодования на блоке быстро проходят.

МАРИЯ РОМ

ЖИЗНЬ СМЕРТИ

Она лежала в кровати, вспоминая минувшие кошмары, чуть слышно размышляя вслух – иногда это успокаивало.

«Снова эти сны, а, может, и не сны?.. Почему я никогда не помню, когда засыпаю и когда просыпаюсь?..»

Тут она хотела громко заявить себе, обратившись по имени, что с её головой явно что-то не так, но резко замолкла, внезапно осознав, что не знает своего имени. Впав в ступор, она повернулась к стене, медленно, будто не способная совладать с собственным телом; рука неестественно осталась лежать на кровати, рядом со спиной, якобы и не её вовсе. Она уставилась на обшарпанные белые обои, не останавливая взгляд на определенной их точке. Казалось, её глаза не видели ничего вообще – были лишь этот направленный в глухую стену взгляд и лицо, не выражающее никаких эмоций, – так смотрят пациенты психиатрических больниц, привязанные к железным поручням кровати тугим жгутом из простыни, за некогда не самое примерное поведение, предварительно впитав вены лекарства от болезни души, что назначил «заботливый доктор». Они не реагируют на звуки, движения и прикосновения, оттого, что не могут этого сделать или не хотят. А могла ли она или хотела?

Было бы проще дать ответ на этот вопрос, будь вокруг неё хоть что-то из перечисленного, однако в её забитой хламом однушке, казалось, не происходило ничего, следовательно, и реагировать было не на что.

Спустя какой-то период времени она, наконец, дала волю векам, и те, окруженные шелком ресниц, тотчас скрыли глаза бархатной вуалью, после подобно иссиня-черным пташкам мгновенно взметнулись вверх. Перекатив свое хрупкое девичье тело к краю кровати, она поочередно скинула ноги на пол, подобно марионетке в руках неопытного кукловода, и все-таки встала.

Пройдя несколько шагов, она стояла у двери. Путь был недолгим, но по ощущениям для неё длился целую вечность – такой привычный, такой короткий и такой неизбежный путь. Бледная тонкая рука с ярко выраженными, почти блестящими костяшками принялась один за другим отпирать замки. Засовы с легкостью поддавались хозяйке жилища, оставляя за собой громкий металлический гул.

«Ну, вот и всё, готово...» - твёрдо, с определенной безысходностью произнесла она. Миновав подъезд, щедро заполненный однотипными квартирками, отворив железную дверь, отделяющую её от безжизненной улицы, она в конечном итоге оказалась под чистым небом, точнее даже не чистым, а белым, кипенно-белым. Создавалось впечатление, что всё вокруг просто нарисовано на этом самом небе, которое и не небо вовсе, а огромный чистый лист.

Она шла каждый раз разными тропами, но неизменно выходила к одной и той же дороге. С каждым неторопливым шагом тревога окутывала её всё больше, становясь практически осязаемой где-то под ребрами.

«Кажется, уже близко...» Она остановилась, доведя правую ногу в одну линию с левой, как бы поставив точку, слегка притопнув пяточкой, скрывшейся за тканью голубых кед. Подняв к небу усталые глаза, она наблюдала привычную картину, однако не перестававшую пугать её. В небесах гордо кружили черные вороны, пуская наземь хоровод теней.

Деревья начали двигаться, корнями вспахивая сырую землю, образуя собой круг, будто на именинах, где она была виновницей торжества. Срачивая угольные ветви, подобно гибким неестественно длинным пальцам, они очень скоро превратились в купол, еле пропускающий внутрь блеклый белый свет. Всё вокруг наполнилось голосами, точнее криками, ужасными

криками, вместившими невероятную боль, и по ту сторону купола она видела их – людей, людей страдающих.

Она протиснула руку в щель, пытаясь ухватить кого-нибудь из этих несчастных, на мгновение показалось, что рука стала длиннее, подобно битумной смоле, растягиваясь в поисках очередного спасенного от страшных мучений.

«Вот оно! Вот! Держись!» - она кричала что было сил. – «Нууууу! Даваааай!» Она впиалась острыми пальцами ему в шею, вытащила из этого кошмара и упала пред ним на колени. Теперь они сидели друг напротив друга внутри купола.

Это был мужчина лет сорока, он смотрел ей прямо в глаза, с диким ужасом, держась за грудь, кажется, он не мог дышать.

«Тихо-тихо, спокойно, я тебе помогу...» - она повторила это чуть громче шепота, затем медленно встала и... обняла. Тело мужчины обмякло в её объятиях, глаза стали стеклянными, он сделал свой последний выдох, после чего рассыпался подобно песку, мгновенно подхваченный ветром.

«Ну, вот и всё, теперь тебе не больно, теперь у тебя всё будет хорошо...» Она села на землю, обхватив колени руками, опустила голову и принялась ждать, когда купол станет привычной аллеей из голых деревьев. Кажется, здесь всегда была поздняя осень, без листвы, травы и снега. Некий день сурка, в котором не менялось ничего, кроме людей, которых ей удавалось затащить внутрь купола.

Каждый раз после «спасительной операции» деревья вновь становились деревьями, и она могла вернуться домой. Не выбирая знакомого пути, она шагала, не поднимая глаз, сама себя вела подобно поводырю, ощущая усталость и такую желанную легкость. Она знала: завтра всё повторится и что это её предназначение – избавлять людей от мук, в такие моменты её переполняла гордость. Но... Однажды всё изменилось.

День начался как всегда, всё та же прострация в голове, всё та же безжизненная улица, те же вороны и, конечно, тот же купол, за исключением одного – что-то схватило её руку, кажется, это были люди, их было несколько. И вот её хрупкое тельце уже летит вниз, мимо тысячи криков, она падает на тесную, забитую народом улицу.

«Стоп! Что?! Где я?! Как я теперь вернусь домой? И почему?.. Почему они не кричат?..»

Она с удивлением заметила рядом с собой людей, которым не было больно, они смеялись, целовались, беззаботно болтали между собой, держались за руки. Казалось, если они и не были счастливыми, то и несчастными их точно нельзя было назвать. Были, конечно, среди них и угрюмые лица, но, по крайней мере, они не были искорежены болью.

«Аххах!»). Она смеялась и не могла остановиться, улыбка не покидала её изумленного лица. Она принялась гулять по улице, кричала людям: «Эй, привет!», но никто не замечал её, мало того все смотрели сквозь неё. Она уворачивалась от хамоватых прохожих, лавируя между ними, как лихач, вылетевший на встречную полосу оживленной трассы.

«Да что с вами такое? Я не пойму! Я что прозрачная что-ли?!» Проходя мимо витрин достаточно большого торгового центра, она вдруг ощутила, как кто-то прошёл сквозь неё, будто её и не существует вовсе, потом еще раз и еще, даже бровью не повели. Тогда она помчалась ближе к зеркальным витринам, чтобы, наконец, увидеть себя. И она увидела.

Она смотрела на себя из слегка пыльного отражения и не могла не заметить, насколько она не похожа на остальных. Её бледно-белая кожа была разрисована черными венами по всему телу и даже лицу, будто гуашью, когда у остальных на щеках виднелся легкий румянец. Злясь на себя за свой странный вид и на людей за то, что они не могут сделать шаг в сторону, она неистово захотела вернуться домой, как вдруг её охватило знакомое чувство, она должна была идти.

Сама не понимая, каким образом, она очень быстро оказалась то ли в парке, то ли в лесу. Парень лет двадцати стоял на табуретке, с накинутой на шею причудливой петлей, привязанной к дереву. Опрокинув табурет, он повис, пытаясь ухватиться за веревку.

«Я помогу!» - сказала она. Он смотрел ей прямо в глаза, как те люди, которых она видела в куполе. Его рот не издавал звуков, но она отчетливо слышала его мысли, они кричали; «Нет, не надо, пожалуйста, я не хочу, я ошибся!»

«Спокойно, я помогу!»

Она слегка приподнялась над землей до его уровня и обняла, крепко, но нежно прижав к груди.

«Я не хочу умирать, пожалуйста!» И он обмяк, как было со всеми страдающими, но тело его не осыпалось в её руках, и она отпрянула. Симпатичный миловидный парень уже не казался таким притягательным, внешность его скорее отталкивала.

«Почему ты не исчезаешь? Ведь я помогла, ты свободен!» Она не понимала, что происходит, ведь она делала всё как обычно, она помогла – и ему должно было стать легче, но ему не стало, он болтался на ветке, как пустой мешок, и она явно ждала не этого.

«Он ведь видел меня, почему? Он умолял меня, но о чем, если не о помощи?..»

И тут слова его будто громким хлопком ударили ей в уши: «Я не хочу умирать, пожалуйста!» В голове как слайд-шоу замелькали картинки: проходящие сквозь люди, её отражение, бесконечное множество людей, исчезающих у неё на руках. И вот, в конечном счете, она поняла. Она поняла всё.

Глядя в небо, залитое теплым золотым солнцем, слыша, как ветер треплет летнюю листву на березовых ветвях, она впервые произнесла: «Я – смерть». Вспомнила, как гордилась собой за всех «спасенных», и как же стыдно ей стало.

«Почему именно я? Разве я не должна была знать об этом изначально? Сколько душ я забрала?»

Она могла сказать – сколько, но решительно знала, что более не заберет ни одной. Не имея понятия, как вернуться домой, она решила остаться здесь и начать, наконец, жизнь, жизнь смерти. Но что такое жизнь для той, что не может обнять, не убив, и не способна создать жизнь новую?

«А что, если может? Допустим, если не пытаться спасти человека, не вкладывать в объятия такого смысла, а просто обнять, как все эти люди вокруг. Может, именно это желание помочь и лишает их жизни? Кто знает, что было бы, если бы обыкновенный человек, обнимая другого, размышлял так же как она и с добрыми намерениями отправлял чью-то душу на тот свет, если он, конечно, есть, тот свет...»

Она задумалась. Ведь если она упала на эту землю с небес, значит, именно это имеют в виду, когда говорят «отправился на небеса» о человеке умершем.

«Значит, мой дом – это и есть та самая загробная жизнь. Значит, мои соседи и жители других домов, стоявших рядом, это люди мертвые, те, которых я забрала из этого мира в тот. Тогда почему говорят «он теперь в лучшем мире»? Разве же там лучше? Я никогда не слышала там смеха или пения птиц, не знала, как прекрасна зеленая трава, залитая солнцем, не видела, как дети в смешных резиновых сапогах прыгают по лужам после дождя, качаются на качелях, интересно, кстати, что им в этих занятиях так нравится, стоит попробовать...»

Оказавшись на детской площадке во дворе-колодце (кажется, это был Питер), она прошла мимо детей, их мам, сидящих на лавочках и вполглаза наблюдающих за своими чадами, а затем уселась на пустые, только что как нельзя кстати освободившиеся качели и принялась раскачиваться. Поначалу это не впечатлило госпожу Смерть, но когда качели стала описывать круг, именуемый в народе «солнышко», она ощутила нечто странное для себя, кажется, у людей данное чувство называется весельем.

«Так! Кому я сказала не раскачиваться так сильно! Ну-ка быстро!..» Голос одной из мамаш резко оборвался. Все они сидели, уткнувшись, кто в телефон, кто в книгу, пока одна из них не заметила периферическим зрением, что качели уж слишком разогнались. Подняв, наконец, голову, девушка с удивлением обнаружила, что качели пусты, а дети, выстроившись в круг, стоят как вкопанные, разинув рты. На резко оборвавшийся крик остальные мамы тоже оторвались от чтения

и гаджетов. На минуту на площадке воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом того самого, поставившего всех в тупик аттракциона.

Как же так? Она должна замедлиться, ведь её никто не подталкивает. Но нет.

«Дети! Домой! Быстро!» Мамочки в панике похватили изумленных детей за руки и помчали прочь с детской площадки.

«Чертовщина какая! Господи!»

Смерть смотрела, как люди бежали от неё, оставляя наедине с теперь уже печалью, так беспощадно сменившей недолгое и такое незнакомое прежде веселье.

«Покаталась...» - разочарованно выдохнула она. – «Но ведь там много домов, а в них куча квартир...» Она внезапно вернулась к размышлениям, словно и не прерывала их ход.

«Ведь они там есть для кого-то, тогда почему я не видела никого из их обитателей, не сталкивалась в подъезде, не встречала на улице, никогда не слышала никакого шума за стеной. Что там за дверьми этих тихих квартир?..»

Она бесцельно шагала по городу, так и не найдя нужного ответа.

«Да что вы? Какое счастье!» - Миловидная девушка двадцати шести лет отроду в легком бирюзовом платъице прогуливалась со своим полугодовалым ребенком, что пускал пузыри в своей небесно-голубого цвета коляске.

«Что же такого хорошего сообщили ей по телефону? Посмотрим...»

А по телефону приличного возраста врач, имеющий за плечами немалый профессиональный опыт, работник некой больницы сообщил молодой маме и жене, что её муж после четырехнедельной комы пришел в сознание, и прогнозы его дальнейшего состояния довольно оптимистичны. Видите ли, четыре недели назад её двадцативосьмилетний супруг попал в аварию, возвращаясь с работы к любимой и крохе-сыночку. Страшные мысли витали у девушки в голове, но надежда не покидала сердце ни на секунду. Четыре недели казались ей долгими годами разлуки и страданий, они никогда не расставались так надолго. На всем белом свете кроме друг друга и их малыша у них в столь ранние годы не осталось никого, оттого потерять мужа она просто не могла, не могла ни на секунду даже позволить себе думать об этом. И вот она слышит, что он вышел из комы, а значит, скоро она сможет поговорить с ним, и в ответ, наконец, услышать его голос. Пройдет немного времени, и они снова смогут засыпать вместе в обнимку, а значит, теперь всё будет хорошо. Слезы, блестя на солнце

«Она плачет. Плачет от радости. Разве бывает так? Сколько же они пережили, сколько родных потеряли, а ведь это я их когда-то забрала...» Смерть стояла рядом и видела всю жизнь девушки в своей собственной голове (это напоминало кучу картинок, сменяющих друг друга), впервые почувствовав исходящее от человека необъятное счастье. Впервые ей захотелось обнять человека, не пытаясь спасти его от боли, а просто обнять, разделить с ним его радость, просто обнять, по-человечески. И она полная уверенности, что не причинит никакого вреда, обняла девушку за хрупкие плечи, прижала к себе, и... И тело её обмякло.

Смерть отскочила, после чего уже бездыханное тело рухнуло вниз, с глухим стуком сровняв свое тепло с теплом разогретого летним светилом асфальта.

«Нееет! Я не хотела! Я же не пыталась! Ненавижу! Ненавижу себя!»

Девушка лежала со слегка согнутыми ногами и ещё не успевшими высохнуть слезами на лице, что как и прежде блестели на солнце. В тот момент ничего не подозревающий малыш навсегда потерял маму, так и не запомнив её лица. Позже врач диагностирует оторвавшийся тромб, забивший лёгочную артерию, что привело к мгновенной внезапной смерти.

Смерть смотрела, как люди шли мимо мертвой девушки и коляски с ребенком, как равнодушно шли по своим делам и делали вид, что не замечают здесь ничего необычного, будто бы это здесь привычное дело.

«Я не понимаю, зачем я нужна? Ведь люди могли бы жить вечно, не бояться за себя и близких. Зачем я?» Она тщетно обнимала себя, обхватив спину руками, бросалась под машины,

прыгала с крыш, но так и не смогла умереть. А если бы смогла, то отправилась бы в мир иной, а мир иной по её соображениям её дом, тот самый мир с кипенно-белым небом.

Спустя какое-то время она поняла, что не может сделать две вещи: убить себя и не убивать других. Ей пришло в голову, что живи все люди вечно, им бы просто не хватило места, а значит, лишая кого-то дыхания, она даёт возможность дышать кому-то другому, только что появившемуся на свет, сменившему предыдущего земного жителя. Однако решать их судьбы она не хотела, но не решать не могла.

Безуспешно она пыталась пройти мимо больных детей, отчаявшихся влюбленных с лезвием в руках, что так грубо ласкали вены, мимо упавших с крыши пьяных подростков и многих других, смотрящих в глаза её величеству смерти. Были среди них и те, кто прощался с жизнью с улыбкой, кому она действительно помогала, для кого само существование казалось невыносимым. В такие моменты ей было чуть легче. Да и, в конце концов, она не упускала случая обнять кого-нибудь, ведь, согласитесь, это приятно.

Иногда смерть смотрела в зеркало с надеждой, что однажды наружность её примет обычный вид, что дела её возьмет на себя кто-то другой, а она сможет хоть единожды обнять человека, ощутив на плечах ответные объятия. Вот такая вот она – жизнь смерти.

А вы когда-нибудь, глядя в зеркало, видели смерть?

КИРИЛЛ ПОЕХАВШЕВ

AMERICAN GIRL (ОТРЫВОК)

Композиторша из Лас-Вегаса Ксения Давальцева шла вдоль ржавых трамвайных рельс на Автовском виадуке. Девушка вздыхала, ей было не по себе. Тело дрожало не столько из-за Ледяного Балтийского ветра, который своими порывами охлаждал страстную американку, сколько из-за отходосов. Они наступили, когда светская львица из Штатов познакомилась в России с наркотическим препаратом марки Бэтта ПВП и исконно русским напитком всех маргиналов под названием «Хачводка». Сексапильную блондинку ломало и трясло, на чулках в сеточку зияли дырки, следы от окурков, молофьи и рвоты. Половина ногтей с дорогим заокеанским маникюром сломалась. Путь леди лежал на студию радио «Дрокер», которая располагалась на Петергофском шоссе.

Ксения родилась ещё в СССР, в городе Свердловск, у зажиточных и интеллигентных родителей, астрофизиков по специальности. Когда началась Перестройка с лихими девяностыми, на Урале, как и везде, всем заправляли бандиты и коммерсанты, ученых же никто ни во что не ставил. Тогда отца Ксении пригласила компания НАСА к себе на постоянную работу с зарплатой в двадцать раз выше, чем в ельцинской России, и бонусом в виде недвижимости – восьмикомнатного дома в штате Калифорния. Родители, недолго думая, увезли маленькую Ксюшу из холодного злого ада под новым названием Екатеринбург в гостеприимную и щедрую Америку.

В школе Ксюше приходилось нелегко из-за чужого менталитета и языкового барьера. В учебном заведении присутствовало всего три девочки из бывшего СССР, причём все являлись старшеклассницами, две из которых родились в городе Одесса. Они говорили с сильным акцентом на родном языке Давальцевой, но быстро научили маленькую «землячку» курить сигареты и пить пиво. Общались русскоязычные девушки в основном с латиносами и афроамериканцами мужского пола. Эти парни угощали нимфеток алкоголем, табаком, а за некоторого рода услуги даже травкой. Юная свердловчанка быстро пристрастилась к пагубным веществам, ибо её никто не контролировал, так как родители неделями не появлялись дома, вкалывая на космодроме за городом. Как пояснили новые подруги, чтобы получить желаемое, надо «доставить удовольствие мужикам-козлам». Уже в седьмом классе юная Давальцева научилась профессионально делать минет.

Вскоре по всему району распространились слухи о русской малолетке, которая готова на всё ради пары косяков с марихуаной. Мексиканцы с кубинцами просто боготворили маленькую блондинку с необычно большой для её возраста грудью. Они быстро посадили Давальцеву на кокаин с МДМА. Поэтому училась молодая наркоманка с D на F (с двойки на тройку). Чудом окончила школу и поступила в Южный Калифорнийский Парикмахерский колледж. Во многом благодаря родителям, которых крайне уважали преподаватели. О нерадивой, наглой дочке подобного сказать никто не мог. Для некоторых учителей Ксения являлась персоной нон-грата, те сразу говорили эмигрантке: «Можешь не ходить на мои лекции, D я тебе и так поставлю, просто веди себя нормально и постарайся не употреблять драги с бухлом хотя бы на территории колледжа».

Давальцева получила то, о чём мечтала. С ней совокуплялось всё население общежития за пузырь дешёвого виски или пару дорожек кокаина. Леди плотно подседа «на систему», которая требовала с каждым днём всё большего и большего. Белых американцев в колледже училось немного, Ксения считала их глупыми и слабохарактерными. Впрочем, и здесь молодая наркоманка не растерялась. Она, смекнув, какими куколдами являются янки, стала предлагать делать себе

куннилингус за доллары. На зелёные бумажки проститутка покупала себе алкоголь в китайском магазинчике и одежду из секонд-хенда.

Однажды в комнату Ксюшиной общаги пожаловали странные молодые люди с длинными волосами, пентаграммами и в майках с портретами GG Allina. Они предложили наркоманке сделать им копро на лица, а потом отодрать «на хор» нимфетку. Давальцева долго ломалась, но, когда услышала, что заработает с каждого из странных парней по сто баксов, съела упаковку «Гутталакса», запила её бутылкой «Сальватора» и с честью выполнила просьбу извращенцев. Когда дело дошло до групповой оргии, с леди случилось неприятное событие: её измазали собственными фекалиями, а ещё порвали влагилице пустой бутылкой.

Несчастливая впала в уныние от боли, совмещённой с унижением. Однако соседка по комнате Карина из Еревана быстро успокоила подругу, поддержала, а главное – сообщила, что деньги бедным студентам будут совершенно не лишними.

- Ты молодец, Ксю, эти тупые ублюдки хотят вкусить твоей плоти, для этих говноедов ты божество, поэтому делай дело!

Ксения повысила ценник за подобный аттракцион, её копро подорожало на сто пятьдесят баксов, а шрам на гениталиях студентка перебила рисунком в виде клевера (так посоветовала собутыльница – молодая проститутка из Дублина).

- Систа, у нас ирландцев это волшебный знак, приносящий людям удачу, всё у тебя будет хорошо, а главное – ты купишь своей подруге, то есть мне, бутылочку скотча! Помни, я всегда с тобой! – учила жизни Ксюшу ирландская труженица рта и вагины по имени Эния.

Вскоре каждодневный секс наскучил распутной русской девушке. Один постоянный клиент из города Рига по имени Даниель увлёк наркоманку евроденсом, научив с грехом пополам сводить треки и делать ремиксы на стареньком Макбуке.

В жизни Давальцевой тут же появился смысл. По крайней мере так она говорила своим родителям, когда шестеро студентов мужского пола увозили её на летние каникулы в Майями, а затем в Лас-Вегас. В последнем городе, который так при жизни любил Хантер Томпсон, в жизни герцогини случился ключевой поворот.

Небогатые студенты и по совместительству половые партнёры наскучили Ксении. Девушка решила попытаться счастья в казино «Gold Cost» на последнюю полташку, надеясь стать миллионершей. Естественно, она за пять минут проиграла всё, очутившись банкротом. Комок встал в горле несчастной наркоманки из России. Казалось, весь мир перевернулся. Неоновые огни игорного заведения расплывались в глазах Ксении. В голове бедолаги крутились скорбные мысли: «Опять этим пидорасам волосатым срать на рожи и черножопым козлам отсасывать! Снова позволять тыкать себе бутылкой в зад за две дорожки бодряного кока! В очередной раз жрать собственные испражнения за бутылку дешёвого виски или рома! Нет, блядь, не хочу, не надо, идите на хуй!».

Ксю упала на колени, завопив на весь игорный зал:

- Нет, блядь! Нет!!! Ни за что! Я в рот ебала ваше США, страна уёбков недоделанных! Россия лучше!

Накачанные охранники с невозмутимым видом вывели истеричку из зала, кинув рядом со входом подобно огромному мусорному пакету. Ксения же продолжила рыдать крокодильими слезами. Прохожие люди особо не обращали внимания на девушку, попавшую в беду. Для Лас-Вегаса подобные картины являются нормой, после 11 вечера особенно. Внезапно на плечо бедолаги опустилась твёрдая мужская рука, Давальцева услышала картавую русскую речь:

- Таки шалом, глупая гойка! Меня зовут Йося Воцензук, я из города Биробиджан, это рядом с Байкалом! Ты девка-то талантливая, а мы, русские, друг друга не бросаем, сейчас срощу тебе продюсера хорошего, за неделю миллионершей станешь!

В глазах доверчивой россиянки появились искорки надежды! Девушка встала, отряхнулась, размазав по своей джинсовке Левайс слёзы с соплями. Иосиф же взял девушку под руку и отвёл к старому, усатому, бомжатского вида пуэрториканцу по имени Алехандро Ионес.

Александром являлся хозяином борделя, правда, не совсем обычного. Работали на него приезжие в штаты несовершеннолетние мальчики, которых запирали в хостеле, продавая американским педофилам. Ксения же цепляла малолеток в ресторанах фастфуда и под предлогом секса вела молодых парней в гостиницу якобы в свой номер. На месте же горе-любовники получали удар бейсбольной битой по голове и очухивались пристегнутыми наручниками к железной койке. В такой момент бедолаг, как правило, сношал в анус какой-нибудь жирный педераст по имени Антуан или Андре. Месяца через три-четыре у мальчики становились профнепригодны, поэтому их убивали с помощью удушения, а трупы отдавали китайцам на органы.

Ещё Ксению заставляли танцевать стриптиз на сцене клуба «Голд Кост» и оказывать секс-услуги богатеньким пожилым пенсионерам, которые платили раз в десять больше, чем клиенты из общаги.

Наконец Ксения уговорила Ионеса дать ей выступить со своей музыкальной программой на сцене казино. Александром долго ломался, но после часов уговоров сдался, не забыв поставить условие: госпожа Давальцева должна будет отыграть свой сет топлесс, а все чаевые достанутся продюсеру-педофилу. Россиянка за первый концерт заработала почти пять тысяч долларов чая. Ионес сиял от счастья. После этого уроженка Свердловска стала музыкальной звездой Лас-Вегаса, выступая каждый вечер перед огромной аудиторией. Сутенера девушка так радовала, что он позволил ей забирать себе десять процентов чая. Не столь серьезная сумма, но её хватило даже на автохлам марки «Кадиллак» восьмидесятых годов выпуска. Причём «ведерко» было даже с откидным верхом. Ксю медленно, но верно следовала к «американской мечте».

Ночами леди рассекала по центральным улицам Вегаса, включив свои треки на полную громкость. При этом ехала медленно, поэтому прохожие обращали внимание на эпатажную блондинку из России. Некоторые стали интересоваться, что это за девушка, потом находили её треки на просторах интернета. Музыка Ксении создавалась на гаджете марки «Огрызок» с помощью программы «искусственный интеллект», поэтому не была замысловатой. Но людей, копавших информацию о госпоже Давальцевой, не особо интересовали музыкальные способности светской львицы с Урала. А вот минет от русской красавицы хотели практически все.

Богемная жизнь в Штатах быстро наскучила Ксюше. Она всё больше стала зависеть в социальных сетях, общаясь с земляками из страны, в которой родилась. С некоторыми даже чересчур близко, доверяя им секреты, которыми не с кем было поделиться в Неваде. Ибо «не понять тупым пендосам загадочной русской души». Наркоманку тянуло назад, на историческую Родину.

В социальных сетях богемная дама общалась с авангардным композитором Шишкановым, организатором фестивалей андеграунда Ванькой Рыжим и танцевальным радио «Дрокер», вещавшем в FM-диапазоне и проводившем крупные рейвы. Музыкального директора самой крутой танцевальной станции заинтересовала эпатажная американка, и сакральная мечта стала реальностью. Радио «Дрокер» выслало официальное приглашение Ксении на участие в опен-эйре под Сестрорецком с названием «Янтарный цех».

Было только одно большое «НО». Билеты в Санкт-Петербург нужно было приобретать за свой счет. «Дрокер-FM» предоставляло лишь жилье в хостеле на улице Морской Пехоты. Денег, понятное дело, на такое путешествие не было, поэтому Ксения как можно более ласково обратилась к своему сутенёру Александру:

- Санечка, сладкий мой мальчик, купи мне билеты в Россию, до Питера надо доехать! А я за это вечером доставлю тебе колоссальное удовольствие, уверена, столько негативной энергии от тебя не проглатывала ещё ни одна девушка!

- Ксюха, не страдай хуйней, зачем эта ссаная Россия тебе сдалась?! Там же холодно, люди злые! Здесь ты в тепле, тебя никто не пиздит, кормят, а на родине тебя будут насиловать, бить, обоссут и не заплатят! Нахуй эти русские сдались? Вон заходил ко мне один, так он Изабеллу

избил и не заплатил ни хуя! Не люблю теперь я этих русских! Он не из Москвы даже, а из какого-то южного города... Махачкала, по-моему, называется...

- Сашуль, нет, я стану звездой там, прославлюсь на весь мир, ты с моих клиентов втридорога брать будешь! Клянусь чем хочешь! Отвечаю тебе своей пиздой! – грозно встала в боевую стойку Ксения.

- Хуй с тобой, я сегодня добрый, так и быть – дам тебе недельку отпуска, в конце концов, ты тоже человек, хоть и неполноценный, но на билет сама насасывай! – строго хмыкнул Ионес, наливая себе Кальвадос и закуривая сигару.

- Спасибо, милый! Вернусь всё равно! – сделала вид, что обрадовалась Давальцева, однако на душе проститутки скребли кошки.

Наша героиня не желала опять раздвигать ноги перед жирными ублюдками и делать минет африканцам с мексиканцами. Ей это до чёртиков надоело. Халдейка решила попытать счастья в игровых автоматах снова. Безумие – совершать одни и те же поступки, которые дают отрицательный результат, но на этот раз проституточная богиня встала на сторону Давальцевой. Дьявольская машина выдала нужную комбинацию фруктов на экране, подарив Ксюше кругленькую сумму денег. Однако её едва хватило на билет с двумя пересадками до города Санкт-Петербург. Перелёт не обещал привыкшей к лёгкой жизни Ксюше подарков судьбы. Бедолага мурыжилась по аэропортам чуть больше суток. Когда а звезда танцполов вышла из здания аэропорта Пулково, то была готова упасть на колени и расцеловать асфальт.

Её встречали двое мужчин. Первый выглядел довольно интеллигентно, и Ксении показалось, что он похож на человекообразного кролика из средневековой английской баллады в мантии звездочёта, колпаке и с саквояжем, в котором хранятся удивительные музыкальные инструменты и разные странные приспособления, похожие на маленькие подозрительные трубы и бинокли. Этот кролик должен быть хитёр, подозрителен, часто смотрит вверх и искоса, но весьма вежлив, обаятелен и охотно идёт на диалог. Хотя за всей наивностью и манерностью его серые глаза блестели взглядом маньяка.

Второй являлся полной противоположностью первого. Навстречу вышел изнеможённый худой мужчина с лицом, казалось, прожившим тысячу и одну жизнь, начиная с сотворения мира. Складывалось впечатление, что он узрел Апокалипсис ещё до Иоанна Богослова. Глаза его были наполнены холодным цинизмом, но чувствовалась в них и какая-то внутренняя теплота с эмпатией, даже ранимостью. На нём красовался свитер SI с компасом на рукаве. Одной рукой мужчина поигрывал с ключами от автомобиля с логотипом «Рено», другой курил сигарету марки «Charman».

Мужчины представились. Первый являлся композитором Михаилом Шишкановым, а второй Ильей Пиплхейтером.

Светлые волосы Ксении развевал Ледяной Балтийский ветер, который даже летом дышал Арктическим холодом. Давальцева уже отвыкла от подобной прохлады, ибо в штатах Невада и Калифорния такие погоды не случались даже на Рождество. Американка, нахохлившись, дала резюме недовольным, и в то же время удивленным голосом:

- Мальчики, в интернете вы совсем иные нежели в реальной жизни! Совсем не так вас себе представляла. Прохладно тут у вас в России, в Вегасе у нас теплее.

- Не выебывайся, пошли в машину, «Янтарный цех» уже вот-вот начнётся, а нам до Сестрика ехать часа два! – сквозь зубы злобно прорычал Пиплхейтер.

- Вы, Ксения, в конце заявлены как хедлайнерша, ибо вы – наша почётная гостья из-за океана! – более мягким тоном добавил композитор Шишканов.

Троица проследовала на парковку, где стоял автомобиль марки «Рено Логан», цифры на номере которого прикрывали пластиковые карты. Ксения восхитилась находчивостью русских водителей:

- Красавцы! Я в Штатах так же набываю парковочные счетчики, а тупые америкосы этого не понимают! – воскликнула заокеанская гостья.

- Ты ведь русская, вроде, у тебя находчивость в крови! – куда более одобрительным тоном отрезюмировал Илья.

Но тут уже Ксения с пренебрежением сказала, глядя на «Логан»:

- А что это за автомобиль такой? Русский что ли? В Штатах таких вроде не видела. У нас машины большие и мощные, а это какая-то малолитражка! Мне даже папа говорил, что в России и Европе машины – говно, хотя сам раньше на Волге ездил.

- Реношку мою не трогай, а то, блядь, пешком пойдёшь! - возмутился Пиплхейтер.

Ксюша расположилась на узком заднем сидении, Илья сел за руль, Шишканов соответственно в правое кресло. Автомобиль с пробуксовкой выехал с парковки и, быстро набрав скорость, влился в плотный поток машин на Пулковском шоссе.

- Как вас, уважаемая, представить гостям сейшена? – вежливым тоном поинтересовался композитор.

- Как, как? Я всю жизнь была Dj Lala Doll, меня под таким прозвищем каждая собака в Вегасе знает! – с негодованием произнесла Ксения, задрав кверху носик. Она произнесла это настолько недовольным тоном, что даже, казалось, брутальный и озлобленный Пиплхейтер съёжился.

Лицо Шишканова же совсем не поменялось. Из внутреннего кармана организатор фестиваля достал маленький пакетик с белым порошком, который насыпал в сигаретный фильтр от «Парламента». Он прокомментировал свой поступок:

- Вам необходимо расслабиться, наверняка, устали с дороги!

Это действие сразу заставило гостью из Штатов улыбнуться. Она сделала свои лазурные глаза загадочными, спросив с воодушевлением:

- Воу! Это кокес? Я перед всеми выступлениями употребляю! Сейчас крайне необходим! Михаил, вы просто гениальны!

- Какой нахуй кокес, ты в России, это препарат марки Бэтта ПВП, - с безнадежностью ответил водитель за Шишканова.

- Ну и ладно, буду привыкать к вашему менталитету! – счастливым тоном ответила Ксения, без разрешения выхватив сигарету из рук Михаила и втянув содержимое фильтра себе в ноздрю.

СЕРГЕЙ «ШИПОВНИК» ЕФРЕМОВ

Один человек всегда был настолько одинок, что ещё в школе левая половина его жопы стала камнем. Если быть точным – левая часть задницы стала куском мрамора.

Его дразнили дети, и он очень стремался своей каменистой жопы. Яйца были просто холодными, а членом он мог рисовать как мелом. Каждый раз играя, он немного разрисовывал своим меловым членом лица своих повседневных кукол. Каменистость всё время захватывала по чуть-чуть и грозила холодом гор уже и из паха.

Шли годы, а наш человечек всё больше каменел. Окончил школу, поступил в ПТУ, дали комнату в общежитии...

Когда его хуй стал мраморнее обычного, девки из всех окрестных общаг слетелись как чайки и кричали по очереди, словно эти нехорошие птицы.

Когда он был исцелован – твердели пальцы, сжимающие грудь. Ногти и пальцы пугающе белели, смыкаясь на шее в преддверии оргазма.

Он каменел, словно их души – души блядей – сковывали ему сердце и ноги.

Одна ступня стала твёрже, чем обычно, и он споткнулся о неё.

Будучи напуган этой метаморфозой, он даже доковылял до врача – лекарь сказал, что больше ничего не поможет, и прописал ему опия.

Он был даже готов умереть, однако не было ни одного знакомого с молотом или кувалдой; тело становилось всё холоднее и твёрже, а яды бессильны.

Последнюю затяжку он просил у школьников-туристов в парке. Человек затянулся, выдохнул, замолчал и перестал двигать бровями и пальцами.

Вчера его снесли. На куски мрамора для студентов в архитектурную академию сломали.

Он жил раньше.

Он и сейчас чувствует боль, когда из него режут головы вонючего Аполлона.

Однажды я возвращался после «курорта» в свой город. Брат выслал мне денег на билет и расходы, я же, как только вышел за ворота и встретил знакомого психа, купил себе две банки крепкого пива.

Каким-то нереальным казался поход в магазин и я диковато улыбался (потому что мог пойти в магазин за пивом). Кругом ходили люди, и недавно прошёл дождь – всё кругом было живым и дышало свежестью.

Я выпил первую банку медленно, вторую почти залпом, а Псих отказался – сказал, что не сможет тормознуть на двух банках. Я ухмыльнулся и ответил, что тоже не собираюсь на двух тормозить. Псих подарил мне чёрные кожаные кеды и проводил на вокзал, где я купил билет на поезд и новую сим-карту, после чего Псих откланялся.

Позвонив со своего нового номера я договорился с одним собутыльником встретиться в этом городе.

- Я свободен!

- Приезжай - сказал собутыльник.

Он жил в центре, у него была своя квартира, гитара, лужёная глотка и беременная несовершеннолетняя жена. Мы крепко залили глаза и он посадил меня в такси.

Таксист сказал, что я вдребезги пьян, на что я сообщил, что только семь часов на свободе. Таксист порадовался за меня и протянул сигаретную пачку – она вмещала тугой свёрток ватмана. Я развернул – внутри были шишки.

- От души, брат! - поблагодарил я.

- Не хворай! Будь аккуратнее! - на прощание сказал мне таксист, когда я вытряхивался из машины.

«Хороший человек, - подумал я, - даже не стал лезть с расспросами, за что закрыли!»

Наверное, он и так понял – эти ребята обычно неплохо разбираются в людях.

Я взял в дорогу водки, колы и пакетики с кофе. Приколотил полсигареты, пыхнул и поплыл в свой вагон.

Всю дорогу я слушал нытьё проводника о том, что нельзя напиваться в поезде – поскольку я отключаюсь на своей верхней полке и бутылка непременно падает вниз на других пассажиров. Пассажиры не очень-то жаловались: в другом конце вагона ехали вдрызг пьяные дембеля – вот уж кто поистине беспокойные соседи! А я что – ну обкуренный и пьяный молчком читаю себе наверху, а тут ещё «бонусы» сыплются то утром, то ночью – всё не самим бухло в дорогу покупать!

Когда я прибыл в родной город, меня встречали: брат с глупой пузатой женой, давняя подруга и кореш с бутылочкой самогона.

Братские объятия, поцелуй в небритую щёку от подруги и прохладный, обжигающий свежестью, самогон.

Слякоть. Переполненная маршрутка от вокзала. Прокуренный не мною подъезд. Поворот ключа со знакомым скрипом.

Щёлк! - свет в прихожей.

- Привет, мам!

АСЯ М.

СКАЗКА ПРО МАЛЬЧИКА ВАСЮ

Это сказка про мальчика Васю, который превратился в опарыша в собственном трупце, потому что не слушался маму и ел муравьев в песочнице, вместо того чтобы лепить куличики, как все дети. Почти все муравьи умирали в желудке Васи, но некоторые попадали в нижние дыхательные пути и оказывались в бронхах. Муравьёв набралась целая колония, и по ночам они выползали у Васи из носа, собирали на кухне хлебные крошки, сахар и строили муравейник в легких.

Врачи не знали, почему болеет Вася, ставили ему антибиотики, до которых муравьям не было никакого дела. Вася мог даже задохнуться, но как-то на железный грибок песочницы упала кошка с дерева, и Вася умер от разрыва сердца.

Патологоанатом был добрым человеком и, увидев муравейник внутри Васи, вырезал легкие и отнёс после смены в парк. А сам Вася полетел перерождаться.

Вася летел по тёмному тоннелю к свету, пока не шлёпнулся из него в лужицу слизи. Рядом мама – почувствовал Вася и как будто бы её вспомнил, хотя не мог увидеть, поэтому она казалась ему большой, тёплой и чуть липкой, она обнимала его. Иногда до его макушки долетало, как ветерок из-под крылышек, её дыхание. Васю качали пухлые руки, и он чуть не уснул, как вдруг почувствовал, что со склонившегося над ним мамино лица на него легли гроздьё её глаза, на ниточках свисающие по несколько из каждой глазницы.

Вася очнулся и почувствовал маму, её фасеточные глаза и панцирное брюшко, мама задела его членистой лапкой и вдруг исчезла.

Вася подумал, чем бы он мог заняться, но не обнаружил у себя ничего такого, чем можно было бы что-то делать. Тогда Вася заснул.

Васе снился его плюшевый мишка, в котором завелись плюшевые червячки, а когда Вася проснулся, то обнаружил у себя рот, которым можно было есть. Вася почувствовал вокруг еду, внутри себя голод – и начал есть.

Долго ли Вася ел, он уже не знал, только вдруг понял, что наелся и хочет спать. Васе снова приснилась мама, она говорила где-то за стенкой, а сам Вася дёргал верёвки, которыми связывали от него ручки нижних шкафчиков, где папа хранил кассеты и фотоальбомы. Наконец одна веревочка заскользила, и дверца шкафчика открылась, Вася полез внутрь, тут сзади закричала мама, и он проснулся в темноте.

Вася вылез из пупария, расправил крылышки имаго, забыл всё и маму, и заскучал. Вокруг было всё так же темно, сыро и душно. Вася поползал назад и вперёд, обнаружил, что совсем не одинок в мире, попробовал полетать, но очень скоро выяснил, что в какую бы сторону темноты не летел, почти сразу упирается в твёрдые, не похожие на еду, стенки. «Зачем же тогда мне крылья?» - не мог понять Вася.

Впрочем, оказалось, что подобными вопросами задавался он один из всех своих товарищей, ему одному приходили порой картины какой-то другой жизни, которую ни прожить, ни вспомнить он не мог. Из всех знакомых Васи только один приятель с восемью ногами как-то признался, что иногда, чтобы помочиться, он почему-то поднимает одну из своих задних ног.

Вася решил, что за стенками гроба, а он оказался именно в нём, есть другая жизнь, большие многоножки убеждали его: весь их мир – здесь, греющее и кормящее их гниющее тело.

Однажды, когда Вася прогуливался по древесной тверди, прямо из-под лапок перед ним вырос мягковатый странный червячок, таких он не встречал внутри, крышка гроба подгнила и служила теперь обедом его новому товарищу.

Вася был прав.

Вася убедил нового друга быть его проводником в загробном мире. Но червячок не знал точно, что ищет Вася, и не думал вести его наверх. Они долго блуждали по извилистым, прогрызаемым всё вперёд, тоннелям. Вася уже досадовал на свои мечты в узкой темноте, когда пошёл дождь, и его проводник выполз на поверхность.

Вася был ошеломлён воздухом и светом, вокруг летали, ползали и прыгали причудливые и приветливые насекомые, спеша укрыться от дождя, а когда дождь кончился, Вася полетел...

Вася увидел лицо: с деревянного креста на него неподвижно смотрел он, такой, каким видел себя когда-то в зеркале высокого - от потолка до пола - маминого шкафа.

Тут бы мне сказать, что Вася вдруг осознал себя двадцатитрёхлетним капитаном студенческой команды КВН, которого друзья угостили каким-то говном, но нет. Потому как:

а) это детская сказка

б) это неправда, ведь Вася полетел к себе домой, наелся варенья на поминках, и его, сонного, прихлопнула мама.

АЛЕКСЕЙ БОБРИК

СМОЛЬНЫЙ

Переход на удалёнку не вдохновил. Печёнкин выдохнул с зевотой, от которой заметались крошки по столу. Брода по-прежнему не видать.

Девушка появилась в комнате не из зеркал, а из прихожей, несла весть. Разговор в мыслях Печёнкина шёл преимущественно о ней. Всё было удачно. Ведро с зубным порошком опускалось на дно колодца, не претя его содержимому.

Отшельник глубоко спал, и девушка поняла, что торопиться нет нужды. Как цветы улетают прочь из каменных джунглей центральных районов, незаметно. Другие кладут на Вечный Огонь. Возвращают.

Заходишь к Печёнкину, а он изогнут поднять с пола бумажку – та от сквозняка ушелестела под диван.

- Чего не хотят кентавры? – без прелюдий и приветствий спросил Печёнкин.

- Соевых пролежней, - ответила девушка, - кентавры – ценители естества. И исключений.

Печёнкин указал на дверь. Девушка вышла. Ей ехать обратно через узкий вытянутый город. Из ведра, которое вскоре вытащила из колодца, не просыпалось и ворсинки, но в гуще порошка зиял смольный червь, извиваясь и конвульсируя. Ничто не даёт вечности.

Девушка рисовала картины и была не с рождения Аней. Комнату, где обитала, делила с двумя приятелями. Значительное пространство комнаты занимал диван-кровать, застланный слоём покрывал, защищавших от обитающих в нутре матраса насекомых. Блошиная кровать нередко оказывалась предметом рисунков за разным досугом квартирантов.

Отдельные рисунки Ани висели на едином гвозде, образуя календарь событий, воронку, утягивающую лист за листом в стойло суток. Особняком помнились вечера поездок к Печёнкину, который безмерно помышлял о кентаврах так, что они ему гласили, чего уже не скрывал. Гласили кондуктора вне транспорта.

Этим утром в ванной протекла труба, пол к процедурам туалета встретил крохотной лужей. Чтобы не замачивать тряпку, Аня поставила под течь старое ведро с известковым налётом по стенкам. Закончив с туалетом, вернулась в комнату, села на пол, сведя в коленях ноги, и принялась наблюдать за спавшими ещё сожителями.

По полу гулял прохладный ветерок. Взяв чистый листок, Аня принялась за набросок. В очередной раз кровать, контуры смятого в изножьях одеяла, и спящие сгущениями в зените изображения.

По мере насыщения рисунка Анна осознала, что периметры двух тел образуют позу третьего, необыкновенной формы. Через некоторое время существо, симбиоз спящих, воплотилось.

Разгладив лист и отложив, Аня откинулась на спину и укрыла лицо, чтобы осознать получившийся инфильтрат. Он обращался чем-то земноводным, по прибытии из воды или наоборот, оставлявшим сушу.

Пока квартиранты не проснулись, Анна наблюдала улицу, сидя на подоконнике за оградой штор.

- Что там шумит? – донеслось из-за штор.

Дрёма сошла быстро. Вскоре один из пробудившихся сожителей побрёл на источник шума в ванную и возвратился со злорадством и не опавшими глазными шарушками, предложив желающим осмотреть.

Течь из трубы усилилась, уж не течь, а залив, но больше Аню удивило состояние опрокинутого наборк ведра. Его днище, доколе целое, пусть и ржавеющее, отошло от стенок как надорванная крышка консервной банки. В пасти ведра плавала муть, смесь воды и налёта.

После перекрытия трубы и осушения пола вернувшаяся в комнату Аня заявила приятелям, что утром, вероятно, кто-то приходил.

- В смысле, приходил? – спросил один.
- Да он появился и исчез, - невозмутимо ответила Аня.
- Куда исчез, кто? – в недоумении воскликнул второй.
- Куда-то, он не снаружи приходил, - продолжала Анна в думах о третьем и водах.

Третий являлся из разных мест, как дитя неединоутробное. Один раз Анне показалось, что он дышит под диваном. К вечеру пришёл сантехник и заварил течь. К ночи все трое напились, и Анна пошла в универмаг за добавкой.

Когда вернулась, приятели мерно похрапывали. Аня укрыла их одеялом цвета мути ведра. На стене зиял Смольный.

АНДРЕЙ VILESIK

ПАНК-КОНЦЕРТ

*«Вспышки света, ты стоишь в толпе,
Это мы опять. В зале этом знают все припев...»
Группа «Пляж» - «Ты не один»*

Место, где мне действительно хорошо. «Орландос». Первый раз попал туда в 2009-м, под Новый год, тогда клуб ещё располагался в старом здании с колонной посреди зала, мешавшей обзору. Материли её все, кто бывал там на сэйшнах...

Купил билет на панк-фест... «Тараканы» и «Distemper», «Пляж» и «Элизиум», «Тени Свободы» и «Джиперс Криперс» в одном клубе, на малой и большой сценах – такого я пропустить не мог. Трэш. Остальное не имело значения.

Когда жил в общежитии, эти группы только набирали силу, о них тогда никто не знал. Мы передирали аудиозаписи друг у друга, с кассеты на кассету, заслушивали до дыр, пока магнитофон «Форманта» не зажёвывал плёнку. Какими-то другими были эти песни, настоящими что ли. Они учили нас жить, учили мечтать. Эти песни давали почувствовать свободу, которой у нас не было в детстве, в школе. Мы не могли надыхаться этой свободой здесь, в общежитии. У нас уже никто не мог её отнять, даже если бы захотел. Именно тогда, в 2002-м, мы сделали для себя выбор в жизни. Мы выбрали панк-рок.

Много воды утекло с тех пор, свой хаерок я давненько сбрил, как и многие мои друзья, с кем панковал в институте, но теперь у меня была возможность увидеть воочию ребят, чьи голоса мы слышали на тех затёртых кассетах...

Дня через четыре я уже топал на сэйшн... пешком, чтоб сэкономить хотя бы на метро. Мороз стоял под тридцать, от него перехватывало дыхание, улицы были завалены снегом, коммунальные службы откровенно лажали, ибо как всегда не были готовы к такой погоде.

Зашёл в клуб. На входе чувак-охранник обыскал сумку, нашёл тюбик масляной краски, валявшейся там ещё со времён худграфа, и, повернувшись к другому чуваку, тоже охраннику, спросил:

- Это можно проносить?..

- Да пусть нюхает! - улыбнулся чел, закрыл сумку и дружески хлопнул меня по спине...

Я прошёл в зал, в углу тусил Бай, барабанщик «Distemper»... хотел попросить у него автограф, но потом забил, сел за столик и осмотрелся. Публика была, что надо. Чуваки рядом поджигали какой-то коктейль.

Напротив, предварительно спросив разрешения, упал на стул чел в костюме, затем достал из кармана список и протянул его мне... на бумажке были написаны команды, которым предстояло рубить на малой сцене...

- Кто из них заслуживает внимания, по вашему мнению? - вполне серьёзно спросил чел – мне это необходимо для статьи, я журналист.

Прочитал список.

- «Тени Свободы» – отличная группа, это точно. Про «Джиперс Криперс» что-то слышал, остальных не знаю... - ответил я.

Чел довольно сощурился и убрал бумажку во внутренний карман пиджака.

Группы настраивались, задерживая начало сэйшна. Большинство пришедших было в теме, что это нормально и так бывает почти всегда...

И вот звук... сначала барабанчики, я встал и двинулся в сторону большой сцены, это была группа «Пляж», потом из-за барабанов выехала электрогитара и вот ребята уже фигачили все вместе, пилили свои гитары, а зал отвечал сотнями подков, вскинутых над головами \m/!..

Выйти первым номером, да ещё перед такой командой как «Тараканы», было очень смелым шагом для парней, хотя уровень у них был довольно приличный. Откуда-то из задних рядов доносились жизнеутверждающие крики труффэнов, слегка подогретых пивасом: «Нахуй «Пляж»! Давай «Тараканов»!

На площадку вышел Сид. С первой же песни около сцены начался слэм... Я отошёл чуть подальше, туда, где народу было меньше... Тараканов слушал постольку-поскольку...

Рядом стояла компания сексуальных тёток в модных шмотках. Одна из них была особенно хороша. Да! У неё были светлые волосы, причёска каре, синее платье с открытой грудью, обрывавшееся внизу гораздо выше колена, что позволяло разглядеть её стройные ножки, стянутые чулками. Она была в синих туфлях на высоком каблучке, хотя это, наверно, и так понятно, но главное, у девушки была офигенная грудь, не такие силиконовые шарики, которые одно время можно было увидеть сплошь и рядом в дешёвой немецкой порнухе (и это считалось круто), а настоящая, слегка приподнятая, средних размеров, грудь. В тот момент я с удовольствием бы лёг под каблучки этой сучки...

Вместе с ней тусил чел с красными волосами. Во время второй части выступления группы он что-то шепнул ей на ухо, встал спиной к сцене, потом взял её руками за задницу и уткнулся носом ей между сисек... она запрокинула голову и сладко улыбнулась куда-то в потолок...

После сэйшна идти домой желания не было. На улице стоял поздний вечер. Зашёл перехватить фастфуд в место вроде МакДака. Там нехилая движуха. Кого только нет. Мимо проходит парень с надписью на футболке «Punks not Dead» и убитых ботинках «Dr. Martins» вишнёвого цвета, классика, ближе к кассе фанаты на цветах, розы «Зенита» и прочее, рядом с выходом чуваки, у которых на лице проколото всё, что только можно проколоть, симпатичные девчонки-малолетки смеются за столиком, компания дрэдастных в другой части зала...

Заказываю, хватаю поднос, ищу свободное место. За соседним столом два в умат бухих мужика. Один из них берёт стаканчик, подходит к автомату, наливает его до краёв, подходит к своему другу и ставит газировку на стол, друг выливает стакан. Липкая хуйня растекается повсюду. По понятной причине он сразу ловит подачу от товарища, но не обращает внимания и продолжает жрать. Потом первый проделывает всё то же самое: наливает, ставит стаканчик на стол... Этот снова выливает...

Вышел на улицу. Сильный минус, похолодало. Решил проветриться. Пошёл на Гренадёрский мост, до него минут пять. Там долго стоял, облокотившись на перила, и смотрел вдаль: всё в снегу, огромная снежная пустыня, ветер холодный, скользил по лицу, но не обжигал. Странно... Мне кайфово, что я здесь один, что кроме меня никого не было рядом...

Сотовый. Взял трубку, ответил, мол, всё нормально, после чего у меня было ещё немного времени, чтобы взглянуть в заснеженный хаос, в моё будущее... и мне кайфово, что я один, что кроме меня никого рядом, недалеко от Гренадёрского моста, самого красивого места в Питере.

ГРИБЫ

День как день, будний, да к тому же ещё только второй. Ничем он, день, не отличался от вчерашнего и вряд ли отличился бы от завтрашнего. Однако внутри было ощущение необычное, радостное. Перехватывало дыхание. Душа дёргалась внутри, а такое бывало только ближе к обеденному перерыву. Жизнь продолжалась, попирала ногами смерть, лишала законного статуса,

ведь, как известно, та приходит без вызова в любое время года, но именно сейчас существование смерти казалось бессмысленным.

Доработав с горем пополам, ибо лень, до перерыва, мы разбрелись по разным углам. Кирилл плюхнулся на диванчик и раскрыл старый номер журнала «Rolling Stone». Дэн вытащил сигарету из пачки, похлопал по карманам в поисках зажигалки, закурил и вышел на улицу. А я залип минут на десять в интернете. Мне на глаза попала статья, из которой узнал следующее:

«... Более семи тысяч человек пришли на гражданскую панихиду по солисту группы «Король и Шут» Михаилу Горшеневу, которая прошла в понедельник во дворце спорта «Юбилейный» в Петербурге», - сообщает РИА «Новости». - За три часа с солистом знаменитой рок-группы успели попрощаться несколько тысяч человек. Траурная церемония прошла без официальной части. Друзья и коллеги Михаила Горшенева отказывались от комментариев. Рок-музыкант, известный как Горшок, скончался на 40-м году жизни в ночь на 19 июля. Некоторые подробности указывают на то, что это могло произойти из-за его пристрастия к наркотикам. Близкие музыканта также подтверждают такую возможность...»

Вернулся Дэн. Я отвлекся на секунду, глянул в его сторону, потом снова сосредоточился на статье:

«.. Между тем, - как сообщил РИА «Новости» представитель группы, - официальная причина смерти – сердечная недостаточность. В то же время знакомый Горшенева Алексей Шатров накануне заявил, что музыкант умер от инсульта. «Причина смерти – остановка сердца, инсульт. Он не раз его переносил за всё время», - цитирует его «Росбалт». По его словам, судьба группы в настоящее время неизвестна. О сердечной недостаточности сообщает также «Life News» со ссылкой на питерское бюро судебно-медицинской экспертизы. «Вскрытие показало, что Михаил Горшенев умер от сердечной недостаточности, но предстоит сделать еще ряд анализов на содержание в крови музыканта алкоголя и наркотических препаратов. На данный момент они еще не готовы», - сказали в бюро...».

Прочитал, значит, и говорю, обращаясь к Кириллу:

- Горшок-то не от наркоты умер.
- Как же не от наркоты? - вмешался Дэн. - Так долбить! Никакое сердце не выдержит.
- Поэтому лучше курить, - улыбнулся я.
- Лучше вообще ничего не делать! - возразил Дэн.
- Да. Пускать по вене нехорошо, - утвердительно покачал головой Кирилл, - лучше

натуральное.

- Грибы, - догадался Дэн.
- Так да.

Дэн продолжил мысль:

- Хотя от грибов тоже сдохнуть можно.
- Да ну, - Кирилл махнул рукой, - сдохнуть не сдохнешь, но крыша съедет точно.
- Можно, можно, - упорствовал Дэн, - я однажды чуть не сдох.

Друзья рассказывали, как под этим делом возвращались в Питер на электричке. Доехали. Потом вернулись и снова поехали в СПб. А почему? Им просто сидения в электричке понравились, цвет: оранжевые такие.

- А ты почему чуть не сдох? - не унимался Кирилл.

- Не, не совсем чтобы сдох. Мне под грибами казалось, что весь мир из резины и пластмассы. Трогаю своё лицо, бля, я резиновый, дома вокруг пластмассовые. Был ещё эпизод, наелся погани, пришёл домой, сушняк во рту, первым делом попросил стакан воды у подруги. Она принесла. Пробую сделать глоток, а дно от меня вниз уходит. Так и не попил, только облился весь. Думаю, ладно. Ботинки снял, прошёл в комнату, включил мафон, а он, сука, затягивает как-то. Я беру его за звук двумя руками, тяну на себя как канат, вроде нормально работает. Отпустил - снова затягивает. Подруга говорит:

- Всё с тобой ясно. Сплю сегодня отдельно, иди нафиг.

- А мне что? Спи.

Так и тянул музыку полночи.

Тут всё дело в том, чтобы употребить правильно. Грибы надо в шарики катать и с булкой, водичкой запивать. Тогда норм, усваиваются, а без всего - плохо.

- Ого! Я не знал, - говорит Кирилл.

- Тоже не сразу узнал про это, - Дэн выглянул из комнаты, - вот, нажрался как-то, пять часов пёрло, а казалось, что полжизни прошло. Сажу на табуретке и думаю: «Боженька, Боженька, когда меня уже отпустит?» Вроде полегчало, только встал на ноги и опять, так и сидел до морковкина заговенья.

На этом месте я чуть не упал под стол от смеха.

- Это что? - продолжал Дэн. - Парень знакомый отправился за грибами, грибник хренов. Так его потом искали. Оказалось, три километра пропахал в неизвестном направлении, нашли, а он валяется в траве и говорит:

- Финны, финны! Нуvi; туурреj;! - и смеётся, довольный как поросёнок.

- Какие финны? - не понял Кирилл.

- Без понятия, - невозмутимо ответил Дэн.

- А откуда он финский знал? - Кирилл окончательно запутался.

- Не знаю, - пожал плечами Дэн. - Да и причём тут они.

Потом помолчал и в заключение добавил:

- На солдатах эксперимент проводили, я читал, накормили их грибами и поставили задачу, марш-бросок и ещё что-то. Грибы они как ЛСД действуют. Героев потом дня два искали. Кого с дерева сняли, кого с пня, кого из-под пня. В общем, не удался эксперимент... Говорят, мол, эта штука страх притупляет, а вот мне под грибами всегда было страшно, ей богу.

В тот момент я про себя подумал, хотя вслух ничего не сказал: «Страшно, конечно.

Сдохнешь и журнала не дочитаешь, и не дочитаешь статьи в интернете про бедолагу Михаила Горшенёва. Миша, Миша, что ж ты не следил за здоровьем?» - вопрошал я вслед за Гаркушей и троллями, гадившими в официальной группе «Короля и Шута» сразу после печального известия. Потом отмахнулся от этих мыслей, подошёл к окну. На улице зеленела трава, дул сильный ветер и по-летнему ярко светило солнце, уравновешивая, гармонизируя всё внутреннее и внешнее. Жизнь продолжалась, и не чья-то, а моя собственная, которой рулил я сам. Важно только это, остальное – суета сует, всё суета. Те диковинные растения, которые, как мне всегда казалось, взращивал в своей душе, были не псилоцибами на тонких ножках и не травой с могилы царя Соломона, скорее безымянными, сколь страшными, столь и притягательными созданиями, похожими на деревья леса Аокигахара, находящегося у подножья Фудзи. Неизвестно, сколько бы я ещё тонул в этой бредятине, бездонной, словно впадина из фильма «Глубинная звезда», но меня похлопал по плечу Дэн и сказал, мол, надо продолжать работу.

АЛЕКСЕЙ РУЧИЙ

ЭЙСИД-ДЖАЗ

У каждой истории есть своя музыка. Та, что незримо вплетена в происходящее, что как бы подкрашивает события и персонажей, наделяя их индивидуальными чертами и отделяя от других персонажей и событий, подобно звуковой дорожке в кинофильме. Так вот – эта история в стиле эйсид-джаз.

Я познакомился с Феей в начале лета. Была пятница, и мы только что вывалились из клуба, где проходил концерт андеграундных хардкоровых групп. В ушах звенело от рёва перегруженных гитар, маршевой дроби барабанов и неистового рыка и крика исполнителей.

Мы испытывали чувство эйфории – вроде той, что бывает, когда катаешься на американских горках. Мир переворачивался вверх тормашками и наоборот, он плясал дикий танец пого под музыку в стиле хардкор. Ехать домой не было никакого желания, хотелось одного: продолжать это сумасшествие.

И тогда Боб предложил: пойдём к Фее. Боб – конечно, это ненастоящее имя. У нас у всех тогда были ненастоящие имена, мы прятались под ними от реальности, играли с ней в прятки. Так нам было интересней. Все единогласно приняли предложение Боба.

Фея – тоже ненастоящее имя. Тогда я её ещё не знал. Но Боб сказал, что она – клёвая тусовщица, и у неё дома всегда что-нибудь происходит: собираются люди, слушают музыку, общаются и всё такое. Конечно, мы хотели туда попасть. И поскорее.

Фея жила недалеко от клуба, в котором мы были, поэтому мы пошли к ней пешком. По дороге купили в магазине несколько картонных коробок с вином и ящик пива. Это должно было нам помочь в нашем безумном полёте сквозь начинающиеся выходные.

Здесь, в центре города, все здания были старинными, и это очень нравилось мне, я бы сказал даже, в какой-то степени возбуждало. Я всегда хотел жить в таком доме, лучше всего в мансарде, из которой открывается вид на жестяные крыши, кирпичные башенки, провода, пожарные каланчи и печные трубы. Это было моей мечтой.

Я шёл и любовался домами, обгрёнными светом заходящего солнца. Поэтому даже не заметил, как мы пришли. Фея обитала в одном из старинных домов, походившем на средневековый замок. Это было место, где должна была жить красота.

Мы позвонили в домофон, и нам открыли. Поднялись по лестнице на шестой этаж, последний, и нас впустили. По очереди поздоровались и прошли в квартиру. О которой, кстати, отдельный разговор.

Квартира Феи была отделана и украшена в восточном стиле. Всюду висели панно с изображениями древних мудрецов, деревьев, гор и самураев. На полках стояли китайские болванчики. Была ветка сакуры. Был маленький фарфоровый Будда, украшенный цветами. И всё это соседствовало с мебелью, купленной в ИКЕА. Казалось, несовместимые вещи, они выглядели здесь очень гармонично, и чувствовалось, что у хозяйки есть тонкий художественный вкус.

Боб представил нас, и хозяйка улыбнулась нам. Улыбкой феи. Она действительно была феей. Я в этом уверен.

Там было много народу, все сидели на полу, играла спокойная музыка, эйсид-джаз и фьюжн, на подставках дымились индийские благовония. Мы стали пить пиво и вино. Нам было хорошо, как может быть хорошо только молодым людям в начале долгого лета.

Я познакомился с остальными гостями Феи. Они были студентами, кто-то просто бездельничал, кто-то писал стихи, кто-то занимался переводами вьетнамских писателей. Я и не знал, что во Вьетнаме есть писатели.

Сама хозяйка сидела напротив меня. Она была красивая, моего возраста, может, чуть старше, она улыбалась и общалась со всеми.

В квартире оказалась электрогитара, и кто-то сыграл пару песен «Pink Floyd». Я сыграл «Whiskey Bar» горячо любимых мною «The Doors». Всем было весело.

Потом появилась марихуана. Мы забили пару косяков и стали курить, передавая их по кругу. Все смеялись и кашляли. Играла спокойная музыка, эйсид-джаз и фьюжн.

Потом кто-то ушёл, а кто-то пришел. Принесли ещё пива. Мы стали обсуждать последний альбом «Red Hot Chili Peppers». Большинству нравилась эта группа. Фея сказала, что они оригинальные. Я был с ней согласен.

Затем мы ещё покурили. Мне было хорошо. Мне нравилась эта квартира и эта музыка. Мне нравилась Фея. Мне нравился мир. Это было похоже на игру детей, всё было таким простым, чистым и платоническим, словно музыка в стиле эйсид-джаз.

Спать легли только под утро. И проспали половину следующего дня. Хотя нам было без разницы, наступили выходные. Неудивительно, что мы остались у Феи и на субботу, и на последовавшее за ней воскресенье. Круглые сутки мы слушали музыку, пили пиво, разговаривали и просто бесились. Постоянно приходили новые люди. Лето только начиналось. Всё было хорошо.

Лишь в понедельник я выбрался от Феи. Мне нужно было на работу. Я трудился мелким клерком в одной мелкой фирме.

Попрощался с хозяйкой и со всеми остальными и ушёл в мир однообразных будней. Всю рабочую неделю я не был у Феи. Дел было много, я пропадал на работе с утра и до самого вечера. Поэтому почти не вспоминал свою новую знакомую.

Но в пятницу я уже точно знал, куда отправиться. Захватив из дома парочку любимых пластинок, я поехал к Фее. Я знал, что она дома. И что у неё вечеринка. Иначе быть и не могло.

- Привет, - улыбаясь, сказала мне Фея с порога, - рада тебя видеть, проходи, присоединяйся.

Снова играла хорошая музыка. Я поставил свои пластинки, и мы слушали их. Как и в прошлый раз, пили пиво и курили марихуану. Кто-то снова играл на электрогитаре. А потом мы все играли в игру. Каждый описывал место, в котором хотел бы побывать, не называя его, а остальные должны были угадать, что это за место. Игру придумала Фея. Я загадал Гоа. И угадала тоже Фея. Вот так.

Мы просто дурачились, в нас была свойственная юности неосознанная лёгкость, мы воспринимали собственное бытие как весёлое приключение. Нам было плевать на время и на происходящее в мире, нас совершенно не интересовали сложные категории бытия – всё, что нам было нужно, это существовать здесь и сейчас и ловить от этого кайф.

Под утро все разлеглись спать. Мне спать не хотелось, и я сидел на кухне, слушая радио. Фея тоже не спала. Уложив гостей, она пришла ко мне на кухню и поставила на плиту турку для кофе. Затем села напротив меня и сунула в рот сигарету. Я тоже достал сигарету, протянул ей зажигалку, а затем прикурил сам.

- Тебе нравится здесь, да? – спросила она меня. – Тебе нравится жизнь?

Я пожал плечами: пожалуй, это было так.

- Да, мне нравится жить вот так...

- Как?

- Ну так... Ни о чём не думая.

Она затаилась. По радио играла лёгкая ненавязчивая музыка.

- Знаешь, - сказала она, - иногда мне кажется, что это глупо: ну, жить вот так; мы просто теряем время, упускаем что-то главное... Что-то такое, без чего нельзя прожить жизнь и считать её удавшейся, завершённой. Ведь наша жизнь – это зеркало нас, наших душ, мыслей, нашего внутреннего мира; страшно, когда смотришь в это зеркало и не видишь ничего. Никакого отражения. Только пустоту. Словно и не жил вовсе...

- Ты слишком глубоко копаешь. А там, на глубине, может стать, ничего и нет. Никакого смысла, понимаешь? Я думаю, нужно просто пользоваться моментом, получать удовольствие от жизни, ведь мы молоды...

- Нет, ты не понял. Дело не в возрасте. Просто что-то главное ускользает. Смысл жизни что ли... Ведь жизнь – это лишь дорога к смерти. И получается, что эта дорога – и не дорога вовсе, а так... Глупость какая-то. День, проходящий за днём, – и всё.

- Но так и устроен мир. По-моему, он и не предполагает чего-то большего. Так живут все люди, жили до нас – и наверняка будут жить после.

- Нет, я уверена, всё должно быть иначе. Ведь есть же великие люди. Те, кто узнал это главное, кто раскрыл эту тайну для себя.

- Всё равно все они умерли или умрут рано или поздно.

- Это понятно. Но их смерть – это не просто смерть, это завершение великого пути.

Я затаился последний раз и потушил сигарету.

- Может, ты и права. Но зачем ломать голову над этим? Наверное, это должно прийти естественным путём.

- Наверное.

Она тоже потушила сигарету и вдруг рассмеялась.

- Слушай, а пошли на крышу, там открыто, я проверяла. Сейчас, наверное, очень красиво.

- А как же кофе? – я кивнул в сторону плиты.

- А мы возьмём его с собой. Пошли.

- Ну, пошли, - я встал. Почему бы действительно не слезать на крышу? Утренний город должен быть очень красив, когда смотришь на него с высоты.

Мы разлили кофе по чашкам и вышли из квартиры. Вход на чердак действительно был открыт. Первой залезла Фея. Я подал ей чашки с кофе и поднялся следом. На чердаке было темновато, и я чиркнул зажигалкой, чтобы подсветить. Кругом были какие-то ржавые трубы, катышки керамзита и клочья стекловаты. В дальнем углу светился открытый люк. Мы двинулись к нему.

Когда мы поднялись на крышу, солнце ещё не взошло, лишь, ширясь, алела полоска неба на востоке. Было примерно полпятого утра. И мы были одни во всём мире.

Фея подошла к краю и оперлась на оградительные перила. В руке у неё была чашка с кофе. Я встал рядом и достал сигарету.

Перед нами лежал спящий город, лишь в отдельных окнах горел свет. Отсюда город казался маленьким и тихим, свернувшимся калачиком ребёнком на гостеприимной постели земли. Я прикурил и выпустил густую струю дыма, я видел, как она поплыла над крышей по застывшему воздуху, лёгкая, почти прозрачная.

- Тебе никогда не хотелось полететь? – спросила меня Фея.

- Не знаю. Я об этом не думал.

- Ну, представь, стать красивой бабочкой и парить над городом, над людьми, машинами, домами. Просто лететь и ни о чём не думать. Забыть обо всём на свете. Махать крыльями и подниматься всё выше и выше...

- Да, это красиво. Но невозможно.

- Кто знает. Буддисты, например, верят, что в следующей жизни они могут стать кем угодно, хоть бабочкой.

- Ну, это буддисты. А мы же обычные люди... Рождённый ползать летать не может!

- Ты скучный. У тебя всё известно наперёд. А я думаю, что ничего невозможного нет.

- И всё-таки люди летать не могут.

- Ладно, - она отхлебнула из чашки с кофе, - чёрт с тобой, считай, как знаешь. А я вот верю, что человек может и должен летать.

Я промолчал. Докурил сигарету и бросил окурочок вниз. Он полетел стремительно в сторону земли, увлекаемый её притяжением. Я видел, как он упал на асфальт, рассыпав снопок искр. Нет, человек летать не может.

- Слушай, а почему тебя зовут Феей? – спросил я.

- Не знаю. А почему ты Мик?

- Ну, наверное, потому что мне нравятся «Rolling Stones». Типа как Мик Джаггер.

- А я, представь себе, совершенно не знаю. Фея и Фея. Мне нравится. Феи ведь тоже умеют летать. Как и бабочки.

Где-то во дворах заголосила автомобильная сигнализация. Вспорхнула стая голубей с соседней крыши. Хлопнула дверь парадной где-то внизу.

Фея достала сигарету. Я прикурил ей. Утро медленно наползало на город, зажигался свет в окнах. Где-то прогремел трамвай. Я сделал глоток кофе. Станный у нас получался разговор. Необычный уж точно.

И тут Фея вновь задала обескураживающий вопрос.

- А тебе нравится метро?

- В смысле?

- Ну, нравится ездить в метро?

- Не знаю. Станные у тебя какие-то вопросы.

- Никакие они не странные. Мне, например, нравится. Сколько сейчас времени?

- Начало шестого где-то. Точно не знаю.

- Значит, скоро метро открывается. Давай покатаемся?

Что я мог сказать? Спать вообще-то не хотелось, можно было и покататься.

- Давай.

- Тогда отнесём чашки домой и пойдём.

- А как же остальные?

- Да они будут спать теперь до часу дня как минимум.

- Ну ладно, - не сказать, что я очень хотел сейчас кататься на метро, но что-то было в Фее такое детское, подкупающее, что я никак не мог ей отказать. Только потом, много позже, я понял, что она этим всем и жила.

Мы спустились в квартиру, собрались и вышли на улицу. Окончательно рассвело. Людей навстречу попадалось немного, в основном возвращающиеся домой гуляки или ранние собачники. До ближайшей станции метро было десять минут ходьбы. Когда мы пришли, она как раз только открылась.

На эскалаторах было почти пусто. Фея стояла на ступеньку ниже.

- Знаешь, мне кажется, - Фея посмотрела на меня снизу вверх, - под землёй всё происходит иначе, нежели на земле. Здесь даже люди меняются. Они становятся какие-то беззащитные что ли. Вот мне нравится спускаться на эскалаторе и смотреть на людей, которые, наоборот, поднимаются. Большинство отводят взгляд. Вместо того чтобы спокойно посмотреть мне в глаза. Как будто у них на душе не всё чисто.

- У большинства людей действительно не всё чисто на душе...

- Да, а здесь всё это становится видно, как на ладони, и люди боятся этого, боятся открыться. Поэтому они и стараются быть незаметнее. Поскорее проскочить от одной станции к другой и выбраться на поверхность, чтобы затеряться в толпе.

- Возможно.

Мы проехали ветку сначала в одну сторону, а потом в другую. Поднялись наверх в одном из южных районов города. Было начало восьмого. Людей по-прежнему было мало, выходной всё-таки.

Отыскали неподалёку от станции метрополитена работающее летнее кафе и зашли в него. Фея взяла себе кофе, а я пиво. Мы сидели и молчали. Она была странная. Она всегда думала о чём-

то таком, о чём большинство людей предпочитают не думать. А я был как раз парнем из большинства. Мне нечего было ей сказать.

- Спасибо тебе, - сказала Фея.

- За что?

- Ну, за то, что слазал со мной на крышу, в метро прокатился. Другой бы отказался.

- Да ерунда. Не за что.

Она улыбнулась. Был выходной день. Было тёплое летнее утро. В кафе играла музыка. Лёгкая, как полёт бабочки. Что-то в стиле эйсид-джаз.

После этого я был у Феи ещё пару раз, а потом уехал в командировку почти на месяц. Когда вернулся, дел было невпроворот, и мне некогда было заезжать к ней. Незаметно лето подходило к концу.

В последних числах августа, не помню точно когда, я случайно встретил на улице Боба – того самого, который познакомил нас с Феей. Я спросил у него, как у той дела. Боб посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом и сказал:

- Она умерла. Спрыгнула с крыши.

Вот так. Музыка в стиле эйсид-джаз внезапно оборвалась. Словно кто-то нажал на кнопку «стоп». Феи больше не было.

Впрочем, она осуществила свою мечту – она полетела. Не знаю, правы ли буддисты или нет, но я уверен, что после смерти Фея стала бабочкой. И теперь летит над ржавыми крышами, махая полупрозрачными крыльями, и солнце улыбается ей, а дождь и ветер дарят свою чуть слышную лёгкую музыку.

Что-то в стиле эйсид-джаз.

ПОЭЗИЯ

ИВАН ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

ВОЗГЛАС МЫСЛИ БЕЗУМЦА (ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ)

1. ПОСЛЕДНИЕ

ДАВИТ ВЕЧЕР,
ВОЗДУХ ЗНОЙНЫЙ,
БУДЕТ ВЕЧЕР
НЕСПОКОЙНЫМ.
ВИЖУ НЕБО -
КУПОЛ АЛЫЙ,
ВЕСЬ В ПОЖАРЕ -
ВОЗДУХ ДАВИТ.
ДАВИТ ВОЗДУХ
СУХОЙ ПЫЛЬЮ,
БЕСКОНЕЧНО И НЕЗРИМО
ДАВИТ НЕБО,
НЕБО ДАВИТ,
Я - РАЗДАВЛЕН
НЕБОМ АЛЫМ,
СМЯТ.
РАЗРУШЕН.
НЕСПОКОЕН.
Я - РАЗДАВЛЕН,
НЕДОВОЛЕН.

ИСКРОЙ В НЕБЕ ПОЯВИЛАСЬ,
ЗАБЛИСТАЛА НА ВОСТОКЕ,
ОБОЖГЛА ЗРАЧОК СОБОЮ,
ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА ТОЙ НОЧИ,
НОЧИ ТОЙ, ЧТО НЕ СПЕШИЛА
ОХЛАЖДАТЬ СОБОЮ ГОРОД,
И ОНА СИЛЬНЕЙ ДАВИЛА,
ДАВИТ НОЧЬ И ДАВИТ ВОЗДУХ.

ВСЁ ЖИВОЕ -
В ОЖИДАНИИ,
МЁРТВЫЕ -
ЛЕЖАТ, ВОНЯЮТ,
ИСКАЖАЕТСЯ СОЗНАНЬЕ,
И ТРЕВОГА НАРАСТАЕТ,

ПАНИКА!!!

НАМ НУЖЕН ВОЗДУХ,
ЛЁГКОЙ И ПРОХЛАДНОЙ ДЫМКОЙ

ЧТОБ ВЛЕТАЛ ОН В ОРГАНИЗМЫ,
ЧТОБ ПОИЛ ПРОХЛАДОЙ ЖИЗНИ...

ВДРУГ!
ТЬМА ВОКРУГ -
ЗЕМЛЯ СЪЕЛА
СОЛНЦА КРУГ!
ВЫПЛЕСНУЛА РВОТНОЙ ЖИЖЕЙ
МИЛЛИОНЫ ЗВЁЗДНЫХ ДУГ,
РАСПЛЕСКАВ СВОЕЙ СЛЮНОЮ
ЭТУ ТЬМУ ВОКРУГ.

ЗВУК!

ТЫ СЛЫШИШЬ ЭТОТ ЗВУК?

ИЛИ Я УЖ ПОМЕШАЛСЯ -
Я ПОВСЮДУ СЛЫШУ СТУК.
НЕТ, НЕ СТУК. А ГУЛКИЙ ТОПОТ -
НЕПРЕРЫВНЫЙ ГРОМКИЙ ЗВУК
ДУШ,
КРАДУЩИХСЯ ПОВСЮДУ,
ЗА ПРОХЛАДОЮ НОЧНОЙ,
ДУШИ ИЩУТ, ДУШИ ВОЮТ,
ДУШИ КРУЖАТСЯ ЮЛОЙ.

ВОТ Я ВИЖУ
В ПОЛУДЫМКЕ
ПРОНЕСЛАСЬ
И СБИЛА С НОГ
ОБНАЖЕННАЯ КАРТИНКА,
БЕСТЕЛЕСНЫЙ ПОЛУБОГ,
МНЕ ВЦЕПИЛИСЬ УЖЕ В ПЛЕЧИ,
НАДОЕЛ НАСТОЛЬКО ВЕЧЕР,
ЧТО МЕНЯ СОЖРАТЬ ГОТОВЫ
ИЗМОЖДЕННЫЕ ЖАРОЮ,
ДУШИ!
СТАЛИ БУДТО ЗВЕРИ -
Я СЕБЕ УЖЕ НЕ ВЕРЮ -
НО УКУСЫ МНЕ ПО ТЕЛУ
ОСТАВЛЯЮТ ЭТИ ТЕНИ,
КРОВЬ МОЮ ГЛОТАЮТ ЖАДНО,
ГОВОРЮ ИМ: «Я ЗАРАЗНЫЙ,
СУМАСШЕДШИЙ,
ПАРАНОИК»,
А ОНИ ВСЁ ЖРУТ И ВОЮТ.

ХОТЬ НЕ ДАВИТ МНЕ НА ПЛЕЧИ
ЭТОТ ЗНОЙНО-ДИКИЙ ВЕЧЕР,
ХОТЬ НЕ ДАВИТ НА РАССУДОК

ВОЗДУХ – ОГНЕННЫЙ УБЛЮДОК,
ХОТЬ НЕ ДАВИТ НЕБО ЗНОЙНЫМ
СВОИМ КУПОЛОМ ОГРОМНЫМ,
ВСЁ РАВНО –
Я НЕДОВОЛЕН!
ХОТЬ ПРОХЛАДОЙ НОЧНОЙ ВСКОРМЛЕН
ПОВТОРЮ: Я НЕДОВОЛЕН!

НОЧЬ - ПОХОЖА НА РАСПЯТЬЕ,
ЗВЁЗДЫ – ГВОЗДИ,
ДУШИ – ПЛЕТИ,
ЗЛЫЕ ЖАДНОСТЬЮ ОБЖОРСТВА
ДУШИ ЭТИ.
И ЧЕМУ МНЕ БЫТЬ ДОВОЛЬНЫМ?
РУКИ СЪЕЛИ, НОГИ ТОЖЕ,
ЛИШЬ СПУСКАЮТСЯ ПО КОЖЕ
КРОВИ АЛЫЕ РАЗВОДЫ,
КАК ЧЕРНИЛА ПО БУМАГЕ,
ПЕНТАГРАММУ НАЧЕРТИЛИ
ДУШИ – ЧЕРТОВЫЕ ДЕТИ
МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ,
ЗАРАЖЕНИЕ,
РАЗДРАЖЕНИЕ,
ПОРАЖЕНИЕ.
ПРЕВОСХОДСТВО,
ЛИКОВАНИЕ УРОДСТВА –
ВСЕ СМЕШАЛОСЬ ПАУТИНОЙ
В ЖАРКОЙ НОЧИ...

ТОЧИТ,
ТОЧИТ
СВОЙ ТОПОР ПАЛАЧ
ДЛЯ ДОЧЕРИ,
ОБВИНЕННОЙ В СЛАБОВОЛЬНОСТИ,
В СИЛЬНОУМСТВЕСТЕ,
В РАЗВРАТЕ,
НА ЗАКАТЕ –
ГЛУХИМ СТУКОМ
ИЗ КОРЗИНЫ
ДОНЕСЁТСЯ ЗВУК ПРОКЛЯТЫЙ,
СТУК, КАК «ТОЧКА» В КНИГЕ ЖИЗНИ.
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОДНОБОКА,
И НА ДОЧЬ УЖ НЕ ХВАТИЛО;
БУДЕТ ГЛАДИТЬ ЕЁ ЛОКОНЫ,
ВСПОМИНАЯ ЕЁ ДЕТСКИЕ ЛИЦА,
ЕЁ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ РОДИТЕЛЬ,
И ЕЁ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ УБИЙЦА
СТРАНИЦУ ПЕРЕВЕРНУЛ
РУКАМИ ОТ КРОВИ ЖИРНЫМИ,
СОГНУЛ И РАЗОГНУЛ,

СЛОМАВ КНИГУ ЕЁ ЖИЗНИ

...

НОЧЬ ВЕЛИКА НА ФАНТАЗИИ,
СТРАШНЫЕ И СМЕШНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ,
КЛИЗМОЮ ВПИЛАСЬ
В ЗАДНИЦУ МОЕГО СОЗНАНИЯ,
ВЫМЫВ ИЗ ЛИВЕРА
ОСТАТКИ МОЕГО ЗНАНИЯ,
И ПРИЗНАНИЕ,
ЧТО СОВЕРШУ ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ,
ПОПЕРХНЁТСЯ СЛОМАНОЙ ШЕЕЙ,
ВЕРЁВКОЙ НАМЫЛЕННОЙ ЗАДУШИТСЯ,
ДУШУ СВОЮ МНОГО ЛЕТ ЛЕЛЕЯ,
ПОДГОТАВЛИВАЛ КО ВСТРЕЧЕ
С ПАЛАЧА ДОЧЕРЬЮ,
ОПОРУ ШАТКУЮ,
СОСТОЯЩУЮ ЛИШЬ ИЗ СТУЛА,
ПНУЛ БОСОЙ НОГОЙ В УГОЛ КОМНАТЫ -
СТАЛ ПОХОЖИМ НА ВИСЯЩЕЕ УКРАШЕНИЕ ИЗ ВИЛЮРА...

2. НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО МОКРОМУ ГОРОДУ

проснулся среди ночи
в поэтическом ритме,
напялил ботинки,
иду по улице,
камни пиная,
вспоминая
винила пластинки,
шорох звуковых записей
и потертые надписи
в центре черного круга,
вспоминаю с натугой
о смысловых оборотах
Егора Летова,
пахнет котлетами
из разливухи на углу,
грязью забрызганной;
спускаюсь в переход замызганный,
блевотину переступаю смело,
жадные крысы то и дело
копошатся мордами в мусоре,
беззвездное небо
напомнило о Заратустре,
а фонарь, горящий несмело,
напомнил христианские штучки;
в узенькой улочке,

где асфальт, пропитанный
кровью ограбленных,
с битами
мимо проходят бритые –
в звуке сирены растворились,
неумытые ботинки мои
стучат подошвами,
с перекошенных бордюров
известь сбивая,
пачкая лужи,
камни расталкивая,
иду я сквозь ночь,
назад не оборачиваясь,
пачку сигарет разворачиваю,
экологию порчу
дымом сиреневым
и, может быть,
преждевременно
подохну из-за табачных производителей,
НЕТ!
быстрее с ума сойду
от вредителей,
которые мочатся в душу
словами высокими,
речАми пафосными
растирают мне уши,
и нет больше силы
всё это слушать,
гнилью и так запачканы руки,
на грязных рифмах
язык мой повесился
и свесилась,
как обезьяна с пальмы от скуки,
моя агрессивная лексика,
кофеином пропитанная;
стала плевком
в лица праведных
и последним выстрелом
в головы грешных,
безутешные –
не найдут утешения,
прокаженные –
не отыщут спасения,
ослепшие –
не обретут заново зрение,
лишь презрение
ко всему человеческому роду,
ласкающему себя мифами о совершенстве,
выльется из уст моих
на асфальтированную дорогу

рвотной жижей бесчестия,
заляпав умы,
словно ботинки начищенные,
НЕ РАДИ ДЕНЕГ!
НЕ РАДИ СЛАВЫ!
НЕ РАДИ ИЗВЕСТНОСТИ
И ПОПУЛЯРНОСТИ!
а просто рефлексом,
инстинктом отвращения к жадности!
ночь сокрушая
громкими фразами,
да так, чтоб фонари лопались,
и гламурными стразами
разлетались осколки
по лицам страждущих слушателей,
впивались в кожу
словечками острыми;
расцарапаю ваши рожи
рифмами жесткими,
вытащу души,
их измылю куплетами,
засуну обратно
в перевернутом виде
и наизнанку
сознание выверну;
мировоззрение превращая в сомнение,
разрушу иллюзии
в рассвете утреннем,
и как капля дождя,
на асфальт несущиеся,
вознесусь в тропосферу,
солнцем иссушенный.

3. ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ, БЕССОННАЯ НОЧЬ, ОРУЩИЕ КОТЫ

Проси, молись,
Умоляй – не стыдись,
Взрывай осколком стекла
Зуд в желудке, пену со рта,
В рвотной тине
Захлебнувшись, надеясь
На совокупление
Мелочных грез,
Ты такой же, как все
В своем поколении,
Ты такой же, как все,
Ты – пепла вонючего горсть,
Гость в разрушенном
Человечества Мире,

Липкая жижа
Мелких желаний и слез,
Кость в прокаженном
Скелете системы;
Вонью кислотной
Разъедаешь ты мозг.
Ты – Ч Е Л О В Е К !
Гордись же собою!
Плотская масса,
Бесполезно висящая тряпка
Для мойки полов.
СТРАШНО?!
От чего ж тебе страшно?
Мир сОздал ты –
Не пугайся, что ОН таков...
Ты – нежеланный пасынок Божий,
И Богу, поверь,
На тебя наплевать.
Испражнение цивилизации
МОЖНО?
Можно ли ЭТО человеком назвать???
Пустую гримасу образования,
Мудрости, опыта кривляешь с утра
В кривом отражении зеркал и сознания,
Смотришь в глаза,
В глазах – П У С Т О Т А!
Хохот и гниль лживого разума,
Что ж. Обманул ты только себя,
Только себя хоронишь ты заживо,
Только себя, ТОЛЬКО С Е Б Я!!!
Слова твои лживы,
Поступки порочны,
Мысли – только похоть и страх.
Ты же смотрел на Мир, удивляясь...
Ты же хотел превратить Его в прах...
Прахом становятся только желания,
Планы, которые строишь, гордясь
Своим языком, бесполезным сознанием,
Бесчувственным сердцем.
Смотрю я, стыдясь
Того, что я знаю тебя уже вечность,
Того, что предвижу каждый твой шаг.
А время идет, предвещая конечность
Жизни твоей. В бесконечности фраз
Страхом своим разрушаешь ты волю,
Болью омыто тело твое,
Брэнное тело сдавалось без боя
В войнах с собой, разбивая стекло
Хрупких надежд безрассудного разума,
Вечности безумствия,

Прохлады любви,
Веры, протухшей как рыба.
ЗАРАЗОЙ
Ты засоряешь поступки свои!!!
УЙДИ!!!
Мне противно и отвратительно
Видеть бесчувственный свет твоих глаз,
Слышать слова твои мнительные,
Видеть, как ТЫ разрушаешь... Н А С...
.....
ДА...
Ну и пусть...
Ну и пусть мы – одно целое,
Слышишь, как кошки орут под окном?
Вижу я в зеркале свое отражение,
А оно улыбается мне моим ртом,
Выслушав всю мою долгую критику,
Смеется в лицо мне
Смехом моим,
Лучше б я был абсолютно безликим,
Чтоб больше не видеть себя.
Снова дым...
Дым сигаретный бодрит мой рассудок,
Бодрит НАШ рассудок,
Один на двоих.
Знаешь,
Не спал я уже трое суток!
Знаю –
И ты трое суток прожил
В замешательстве моих же сомнений,
В реальности вязкой,
Какую сплёл дождь.
В ревностных мыслях моих ковыряясь,
С самого же себя удивляюсь...
ДА, гость –
Я в разрушенном человечеством Мире,
Липкая жижа
Мелких желаний и слез,
Да, я такой же, как все
В своем поколении.
Да, я такой же, как все,
Я – пепла вонючего горсть.

4. СТРАННАЯ МЕЧТА

Я хотел выпить Мировой океан,
Я хотел иссушить своей жаждой бездонной
Каждую реку и топи болот,
Я хотел быть кометой огромной,

Врезавшись в Землю, закончить полёт
ВЗРЫВОМ!!!
Безудержным, неумолимым
ОГНЁМ
Я хотел выжигать города!
Все поселения сжег бы дотла...
Беда?! Не беда!..
А всего лишь желание,
Мечта сумасшедшего – скажете Вы,
ПЛЕВАТЬ!!!
Сумасшедшим для Вас был я всегда!

Ну и пусть сумасшедший,
А где предел разума?
А что Вы считаете нормой ума?
В иллюзии Мира угрюмо-заразного
Дни прожигаете, не встаёте со дна
Моря своей неоправданной лести,
Лжи, да плевать мне на Вас,
Плевать мне на вас –
Повторяю я,
Честно,
Хотя... что для Вас честь? –
Лишь игра
В догонялки – самим за собою.
Вы в этом Мире, как мотыльки в банке,
Греете мозг надеждой больною,
В спасение слепо верите –
ЗРЯ!
Приходит время иного мнения,
ПОРА
В банку сажать паука!!!

И что мне до Вас?
Я для Вас сумасшедший,
Вы же – становитесь пищей моей!
Что мне до Ваших мирных шествий?
Хищник не слышит, что бормочет еда.
Что мне до Ваших раскаяний ложных? –
Я плету паутину, паутину плету день изо дня.
Без спросу!!!
Без разрешения!!!
Без спора с самим собою
В ссору себя загоняю
С Высшими Силами,
ДА! ЗНАЮ! –
Ничего не нашёл
И всё, что было, теряю,
Приобретаю душевный покой,
Вас истязая – вот такое желание,

ДА! Я ТАКОЙ...

И пусть это только дитя моей мысли,
И пусть не добьюсь я этого в жизни,
И пусть сегодня чрезмерно я пьян –
С утра захочется выпить мне Мировой океан!

АДЕЛЬ ЭРНСТ

О ПРАВДЕ

Летит по Фонтанке,
Жёсткий фольгированный целлофан.
Друг мой, я, правда, уже два дня в завязке!
И это даже не обман...

Я помню, как-то в школе
Продала пятиклашкам дурман.
Они потом стали дельфинами
И пели всем нам Коран.

Средь школы вырос вдруг залив лазурный,
И они плавали, смеясь,
Пока он вдруг не стал миниатюрней –
И это даже не обман!

ДУМЫ В ПОДВОРОТНЕ

Я так сильно боюсь смерти,
Что забываю, как мне жить.
Вокруг сплошь проститутки, черти
Ругаются и спорят,
Как их можно полюбить.

Но ведь любовь не в том,
Кого ты любишь –
Любовь в тебе самом.
И не гуляй по трансцендентным подворотням,
Тебя там божьи дети
Уколют райским злом...

ДРУГ ИЛИ ТАК

О Аллах,
Дай мне сил!
Пережить то,
Что я обессилел!

Этих панков,
С ирокезами оков.
Этих друзей,
Что вызывают на друзей мусоров!
И людей...
Хоть я людей давно не видел.
И ваш флаг цветной,
Позавчера ещё выцвел.

Вы называете себя творцами?
Но вы лишь рвёте светлые души,
Своими нечищеными зубами.
А когда увидите душу чистую,
Искалечите, сожрёте и высрете!

И называете это перформанс!
Но в такое время
Разве смерть – это нонсенс?!

И мы так устали искать...
В этой куче вещей секондхендных
Хоть что-то стоящее
Средь всей этой кучи паркетной.

А вокруг все творят сплошь хаос,
И я тоже иногда забываю себя,
Ему предаваясь.
Но спасибо, Аллах,
Что, бывает,
смотря вокруг,
попускаюсь.

МАРШ ПОТЕРЯВШИХСЯ В РАЮ

У них ведь из реальных эталонов – только этанол!
И вместо того, чтобы просто засмеяться,
Отвечают тупо: «Лол!»
На завтрак жрут парацетамол,
А завершает сей фуршет – рассол!

Они блуждают, потерявшись в своих снах,
В чёртовом колесе сансары,
До сих пор в бегах.
И слышен в высоте марш потерявшихся в раю!
Таких я по ботинкам и глазам распознаю.
У них в глазах застыло осознание –
Из-за расстрелянного эго
Не жаждут твоего внимания.

У них за барабаны – бьют сердца!
Бьёт за обман кулак – лжеца.
Тут ненавидят лицемерие...
И если получилось обмануть их,
Не хорохорься, брат, тебе было подарено доверие.

ЖИЗНИ СУРРОГАТ

И не бывает просто,
Приходится, что сложно,
Сегодня в жизни всё возможно!
И даже если плакать осторожно –
Все равно услышат.

Услышат песнь сердца,
Рычанья гор
И самую большую глупость мудреца,
Которую изверг он из себя неосторожно.
А после глупости своей
Пятнадцать суток хохотал.

И ты посмей!
Посмейся!
Пусть будет смех неосторожный!
От серой тьмы,
Навязаны чужие идеалы.
На лица морд глядя,
дави правдивую улыбку
И не ищи эмоций в киносерналах.
Кипит на кухне
жизни суррогат в бутылках.

ВАСЯ БАБАЕВ

Отсутствие тревоги как таковой.
Зрелые ветры воют над головой.
Душа неустойчива, как качель.
На кухне за дверью сидит Кощей.

Отсутствие всякой тревоги напрочь.
Ломаются ноги, такая наглость...
Из рваной артерии бьёт фонтаном.
Умоешься этим, зачем вода нам!

Отсутствие как таковой тревоги.
Дороги не видно, но есть налоги.
Чуть свет выбираем себе кумира.
Какую бы яму, чтоб прокормила?

Отсутствие чувства тревоги – нету.
Солярный удар расщепит планету.
Безбрежность на месте России и Кений.
Я снова рождаюсь, гений.

Может быть, может быть, вы состоите из неги
Может быть, вы состоите уже из нуги
А за окном пролегают различные снеги
Лампочки, ласточки, хлопья электродуги

Может быть, может быть, вы стоите из стужи
Может быть, ваш эпидермис содержит мороз
Где на заре музыканты выходят из студий
Небо зияет как медный почти купорос

Мелиорация тела сосудами крови
Медленно движутся окна в семьсот этажей
Может быть, может быть, вы состоите из хроник
Выжженных пастбищ и стойбищ ушедших мужей

Но эрегирован ствол у берёзы повислой
Вам за такое и лет восемнадцать не дашь
В небе звучит старомодная музыка, Визбор
Бог изобрел бег часов, ибо любит винтаж

Может быть, может быть, вы говорите устами
Может быть, я поддержу разговорный процесс
Может быть, я партизан и любуюсь мостами
Может быть, может быть, вы состоите в СС.

ОТКРЫТКА ЗАРУБЕЖНЫМ УЧЕНЫМ

И вот имеется Нева,
Пожалуй, анти-синева:
Какой угодно блеклый тон,
Пейзаж, распоротый китом,
Да неминуемые высылки к врачу.
Я вам пишу – попутно небо здесь топчу.

И вот имеется Нева,
В ней растворяются слова,
Докуда взглядом ни докинь –
Плывут тела филологинь,
И те, что хватче, уплывают за бугор
Безгрешно нежиться в тиши фино-угор.

И вот имеется Нева,
Слова находятся едва,
А, впрочем, что таить греха –
У нас имеется река,
Весьма кратчайшая, но мощь её воды
Иных насилует заглядывать сюды.

И вот имеется Нева,
Возможно, два, возможно, льва,
А, впрочем, с крыльями и без
Присели к берегу, как бес,
И достаёт рабочий вымокший комбез,
Шагая около, пока идёт в СОБЕС.

Под белый ветер над Невой
И морок ада огневой –
Наверно, слишком много "и"?
(Один мой друг служил в ГАИ
И он не знал ни строчки наизусть,
Но был уверен, что наш мир создал Иисус)

Я вам пишу: в таких краях
Интерпретируют коньяк
Всего-то-навсего как чай,
Но, липа, ветками качай
Хоть в черноземной, хоть в мерзлотной полосе!
Любая точка – пик в чертовском колесе.

И вот имеется Нева...
И льва-то, может быть, не два,
А лишь один, и под осеннею фатой

Вы приезжаете сюда:
Реки не видите следа,
А здесь звенит – не знаю – Город Золотой.

N. N.

Мне показалось, что я рыба
Ночующая на дне океана
Рыба, которую дождь намочит
Рыба, которая сырость речки
Рыба, которая серость свечки
Рыба, которая что-то ходит
По одеялищу океана
Друг, показалось мне, это странно
Что ты ходишь вокруг и в тени магазина
Не заходишь вовнутрь, и это странно
А кружишься под клёнами, всё кружишься
На детской площадке в весенний дождик
И я думаю, друг, что ты просто рыба
Потому что молчишь, потому что странно
Надеваешь галоши на свои ботинки
И кружишь как лошадь в людском океане
И тебе пожалуйста – летний дождик
Омывает дома и простые крыши
На которые дети с цветами ходят
Преподносят их и уходят с лестниц
Преподносят небу и вниз шуруют
А цветочки падают, это странно
А цветы, как венки – только вниз стремятся
И проходят дети не видят мимо
Мимо их букетов в зеркальных лужах
Затворяют занавес в ритме молний
И лежат в постели, суча глазами
Расстояние молодости так странно
За морями и за океанами
Мы встречались с тобою, молились богу
А я просто рыба, я это знаю
А ты просто свет из окошка в лете
А я просто ландыш в тени колодца
и забьётся солнышко в небосводе
Холодец остынет, такое дело
Расхотелось плакать, пора смеяться
Расхотелось
знать, расхотелось делать
Разлеглась погода по самый полдень
И листву лаская, до неба полня
В полнолуние выйдем в ночи на крышу
И обнимем звёзды, и захватим кошку
Корабли отчаянно отплывают
С крыши видны даже их названья
Расстояние патовой непогоды
Расставаться нельзя, вековая правда

Рождественское чудо

Из закоулка выходила кошка,
И загогулина теней тянулась
Вдоль по стене столетнего приюта,
Остервенелой лиговской зимой.

А кошка закоулила всё больше,
И вот теперь уже совсем не кошка,
Она заглядывала в гибельные окна,
Она глодала негадающих людей.

И в стенах комнаты, и в мглистых туалетах –
Таких, как в описаньях Кортасара,
Она полы и потолки глодала.
Свистел бессмысленно за печкою паук.

В трубе приюта загудели ночи.
На улицах неистовствовали ноги,
И к Рождеству несли в кульках рассветных
Рождественского светлого кота.

Суммируйте боль, умножьте её на удовольствие, возведённое в квадрат, вычтите из полученного всякую суматоху, смуту и суету, например, обучение и работу, затем подберите к полученной разности музыкальное выражение методом случайных чисел и кристаллизацией звука, добудьте материальный объект, пригодный для нанесения акварели на его поверхность с целью художественного изображения пребывания вашего покорного слуги в отдалении от отчего дома, разжигающего костёр на опушке леса и передающего сигарету своему товарищу, глядящему прямо в глаза.

ЕВГЕНИЙ ФАКТОГРАФ

ДО НЕОБЪЯТНОСТИ

Паранойя и похмельный бред
Объявились – по мою ли душу ли?
Налепили из говна конфет,
Поваляли, а потом покушали.

Зашептали кумпол от беды,
Закривили разум с восприятием
До кроваво-алой блевоты,
До галлюцинаций и Кондратия.

Опосля отправились гулять
По промзонам и дворам обоссанным,
Спяну ворота канавы вспять,
Оголтело топая ногами босыми.

По стеклу и битым кирпичам,
По моральям и по адекватностям,
А зловонно тухлая моча
Нам текла, журча до необъятности.

ПАТОЛОГОАНАТОМ-ПИДОРАС (БАСНЯ)

Патологоанатом-пидорас
Без памяти влюбился в пациента
И, выждавши удобного момента,
Решил вступить с ним в половую связь.

Но немощен и жалок мёртвый уд,
Он не стоит, а только лишь враскачку
Болтается, как дряблая шпикачка, –
Не годен данный инструмент на блуд!

Тогда ж не растерялся наш герой
И в задницу решил оттрахать трупа –
Но обломался, упершись залупой
О старый загноивший геморрой.

Мораль сей басни всякий разберёт:
Любовь и секс – явленья-побратимы,
Прекрасны, но порой несовместимы.
Всем до свиданья, и ебитесь в рот!

ИДЕАЛЬНОЕ ТЕЛО

Пьяное тело летело с балкона –
Много ли, мало – четвёртый этаж!
Всё подчинялось простому закону:
Скорость равна корню из $2gh$.

С криками "Бляяая" тело ёбнулось оземь,
Вниз пролетев по линейной оси.
Скорость падения составила восемь
Метров в секунду. В системе, блядь, СИ.

Сразу начнёт Перельман возмущаться,
Перевернётся в гробу Архимед.
- «Да хуйли, блядь, восемь? Должно же быть двадцать!
Что за подьёбка и в чём тут секрет?»

Те, кто чуток поразмыслил над этим,
Сразу, наверно, подумать могли,
Что виноваты поправка на ветер
И центробежная сила земли.

Только, по сути, не важно всё это
Пьяному телу – оно, матерясь,
Приподнялось. И, достав сигарету,
Медленным шагом ушло восвоясь.

Вот вам пример идеального тела,
Что не кончав никакой институт,
Силы природы на хуе вертело,
А Перельман с Архимедом сосут!

МИРЬЯМ РАНЬЕНБАУМ

ВЕЛИКИЙ АССАМБЛЯЖ НОВОЙ ПРОБКОВОЙ ДОСКИ ИЛИ ГАРДЕРОБ В ПЕРВОМ ВЕКЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Жаворонок или сова?
Любит ли мягкие игрушки?
Спросить про носки,
Спросить про зуб мудрости.

Списки, списки, я так люблю списки:
Свитер, толстовка,
Женские штучки,
Пальто, шапка,
Цветастые рубашки,
Портки на каждый день.
Нам во столькое многое нужно сходить.

«Бля, посиди ещё со мной», -
Пишет он, -
«Я лёг, но не тянет в сон».

Новая эра,
До н.э. и ЭН. Э.
Я молюсь каждый день,
Что это не мертворождённый,
Который закончился, не успев начаться.

Скажи мне, ты когда-нибудь пробовал нефть?
Ты не снёс диалог?
Я лучше, чем их?
Ты не веришь в то, что американцы на Луне?
Я тебе нравлюсь, хотя я –
Человеческое существо?
Сливы кого?
Сливы сколько за килограмм?
Кто такое лето?
Кто такие эполеты?
Кто друг другу мы? Завтра.

ТЕНЬ ТЕБЯ

Торакопаги сердцами срослись,
Общая печень, общая кожа.
Долгие годы твой каждый каприз
Моим становился тоже.
Нас мясницким ножом рубят врачи,
Ты мне говоришь: «не плачь, не кричи»,
А наше имя в рифму без пробела.
Я одна не смогу без тёплой крови и тела.

Коляска, костыль, трость, потом бег.
Я могу только ползти за тобой,
Как за солнечных часов иглой.
Меня колет до чёртиков ясный твой смех.
Я полагаю, побочный эффект,
Возможно, я стала тенью тебя.
Стала тенью тебя.

Я с тобой,
Я в тебе,
Я – это ты,
Я – это ты.

Et in Arcadia Ego.
Я культёй как крюком до конца.
В райском лиловом саду
Цветком открываюсь тебе:
«Помнишь ты меня?! Помнишь ты меня, сукин сын?!»
И рассосётся кирмиз синяка,
И побелеет красный глаз,
Но я навсегда, как туберкулёз,
В X-хромосоме и в костях;
Я стала тенью тебя,
Стала тенью тебя.

Я с тобой,
Я в тебе,
Я – это ты,
Я – это ты.

Как Арахна плету паутину,
Что прикрывает болезнью твой мозг.
Как воспалённая *ria mater*
Нежно толкаю тебя на износ.
Ты ничто без меня, помни,
Словно зуб без десны,
Словно правша без десницы,
Словно душа моя без кисты.
Я стала тенью тебя,
Стала тенью тебя.

Я с тобой,
Я в тебе,
Я – это ты,
Я – это ты.
Я с тобой,
Я в тебе,
Я – это ты,
Я – это ты.

МАЗУРКА

Вместе с модой на французский хороводный танец «бранль» в Европу пришла чёрная смерть. Хотя винили во всём ведьм и евреев, на самом деле болезнь была там, где танцы. С «бранлем», во время которого надо куртуазно держаться за руки, приходили кашель и чёрная кожа трупов.

В начале пятнадцатого столетия небезызвестный Питер Брейгель видел в Страсбурге странное зрелище: четыре сотни людей танцевали, пока не падали замертво. Ни жажда, ни усталость не могли их остановить. Позже говорили, что дело в нехорошей чёрной ржи...

В деревнях Италии практически до современности известен феномен тарантелл — якобы женщин кусает паук, и они дёргаются и танцуют под гитару, пока не придёт облегчение или священник. В наше время тарантеллой называют традиционный танец – настолько массовыми стали такие случаи, что те уже засели в культурную подкорку.

В Средневековье также был обычай танцевать перед статуями святого Вита, чтобы избавиться от всех болезней, а теперь имя святого навсегда связано с древним названием смертельной хореи.

Но всё поменялось после открытия Америки. Быть может, столько греха выросло из этой глупой авантюры, что пролился на землю гнев Божий. Ренессанс был эпохой раскрепощения, танцы приобретали сексуализированный подтекст взамен церемониального, топорного, как в Средневековье. Танцующие развратные моряки по возвращению находили на причинных местах гнойные шанкры, потом у бедолаг отпадали одна за другой части тела, как у проклятого Йеффая. Сифилис обошёл весь мир вместе с мореской и сальтареллой, засел в проповедях пасторов, как доказательство связи между похотью и карой.

В наше время пенициллина и перекиси водорода, время мытья рук и кипячения воды, люди всё равно гибнут, уже от ВИЧ и СПИД, а они, естественно, распространяются с мазуркой. Почему с мазуркой? Да так повелось: при бранле – чума, при Вите – хорея, при тарантелле – тарантизм, при мореске – сифилис, а при мазурке – ВИЧ.

НИКОЛАЙ ЕЛЕТИН

АТАРАКСИЯ (ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ)

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО

Звёздное небо повисло над городом
звёздное небо хочет разбиться
об острые крылья порхающих птиц
отражаются в стёклах детские лица
звёздное небо давит на голову
звёздное небо прыжок в одиночество
звёздное небо бремя всех вольных
в звёздное небо шагнуть с крыши хочется...
Звёздное небо играет с нами
звёздное небо сжимает вселенную
звёздное небо полное душами
тех кто считал на земле себя пленными
звёздное небо видит все войны
звёздное небо видит события
видит смерть в грязном переулке
видит рождение нового правителя...
Звёздное небо я вышел на улицу
по пояс в воде она прибывает
звёздное небо тучами хмурится
змеями-молниями как плетьюми играет
звёздное небо ловит мгновения
чувствует ужас постигший планету
звёздное небо скоро закончится
это последнее гнилое поколение...
Звёздное небо течёт чёрной краской
смывает картину твоего мироздания
кто-то кого-то убьёт этой ночью
а вам хорошо вам это не надо
звёздное небо сидит в наших душах
прячьте свои сны под одеялом
звёздное небо скоро опустится
свинцовым покровом на башни с крестами...
Звёздное небо распахнуты крылья
сидящих на крышах хищных птиц
рядом сидят дети с винтовками
чёрные дыры вместо глазниц
звёздное небо живущих прошлым
не верящих в будущее и настоящее
звёздное небо не для влюблённых
а для нас проклятых но зрячих...
Звёздное небо разложены карты
На столе у Пилата перед Иисусом
Звёздное небо пора уж прощаться

но что-то так долга минута...
Звёздное небо так хочется верить
в то что не видел своими глазами
Звёздное небо, закрой эти двери
в коридор меж тобой
И земными богами!
Старое пленное звёздное небо
тухнет в лучах молодого рассвета
вода убежала утром в канавы
на улицах сумрак и никого нет
где-то в домах загораются окна
с крыши порхнули хищные птицы
и тихо спустились вниз по верёвкам
дети с винтовками и пустыми глазницами...

ТРАМВАЙЧИК... ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛЕЧЕНИЯ

Мне мальчик с ружьём подмигнул из трамвая,
и я с парашюта на рельсы упал,
и видел, по мне как трамвай проплывает,
и думал, какой же печальный финал.
И слышал я выстрелы, люди бежали,
кричали и падали, в пыль исчезая,
а я, на аллее валяясь, смеялся,
и вторил стук сердца мой рельсам трамвайным.
А после карабкался по паутине идей своих глупых...
но падал, срывался,
И мальчик с ружьём на своей бригантине
смеялся со мной, с чистым сердцем смеялся.
И слёзы текли, я плакал в подушку,
бросался на стены, срывался на крик;
и мальчик так ласково, словно игрушку,
подал мне ружьё и сказал: «ЗАСТРЕЛИСЬ!»
И вновь я один за штурвалом трамвая,
и что-то под шёпот колёс напевая,
я еду туда, где кончаются рельсы,
и пропасть манит глубиной...
А мальчик с ружьём вдаль шагает по трупам,
мне машет рукой он, как жирная муха,
я бьюсь о стекло, и мир расцветает,
на крови людской он форму теряет,
теряет себя, превращаясь в трамвайчик,
и падает в пропасть со мной...

P.S.

А после был свет, но меня откачали –
и я то ли жил, то ли спал...
за окнами слышал я шелест трамвайный –
мир сам по себе умирал...

МАЛЬЧИКИ ИГРАЮТ В ВОЙНУ

В нашу песочницу привезли песок
вот уже растут свежие грибы
под тёплым июльским солнышком
мальчики солдатикам роют могилы
ржавый совок целеустремлённо чертит квадраты на сыром песке
и кто виноват, что в стоге иголка?
и кто виноват, что пуля в виске?..
А бабы что они могут? лишь давать
детей нарожать да нести хуйню
новых солдатиков повыпускать
чтоб мальчики и их втянули в войну
бабы в стороне... им ничего не надо знать
они лишь способны нести хуйню
не в их силах что-то менять
а мальчики играют в войну...
Нахмурилось небо и пошёл дождь
брошены солдатика... мальчики спешат домой
там их ждёт горячий шоколад
и вот они сидят и смотрят в окно.
Железный занавес дождя смывает пыль с солдатиков
вбивает их в песок... в жёлтую грязь
и кто они пешки или фанатики
или просто тупая пластмассовая мразь...
Багряный закат опустился в песочницу
ржавый совок по горло в песке
а мальчики спрятали сны под подушки
их пальцы крепко стоят на курке
а по лицам фигур стекают капли
дождь или слёзы... стыд или смрад
быть может они и не виноваты
но у них нет пути назад...

Над городом грёз сгустились видения
мальчики встали... протёрли глаза
в мутных канавах вместо своих отражений
мальчики видят седые небеса
меж пелены облаков им мерещатся лица
лежащих в песочнице мёртвых солдат
мальчики толкают друг друга в спину
кричат «это ты! это ты виноват!..»
А солдатика стоят по пояс в песке
и смотрят живыми глазами вдаль
время висит на волоске
кто-то прижал к полу педаль
и скрипит механизм
и смеётся система
а бабы по-прежнему порят хуйню
Точно так же молчат безликие стены
а мальчики играют в войну.....

СТАРЕЕМ

Строить храм, чтобы сжечь,
жечь любовь, чтоб поймала...
соткан купол души
из креста и начала.
Видеть мир, чтоб простить,
верить в бред, чтобы было,
потихоньку стареть,
превращаясь в дебила.
Мерить строки песком,
ставить точки на время,
быть для всех мудаком,
сквозь года тащить бремя.
Печь в ночи каравай,
спать в печи под луною,
жёлтой лампочки рай –
он всегда был собою.
Кланяться зеркалам,
любоваться в иконы,
то, что жизнь продала,
разбивать да со звоном,
шаг за шагом под лёд –
и тонуть мелодично,
мы стареем – и что ж
мы умрём, всё отлично.

ОТ РЕАЛЬНОСТИ... К БЕЗУМИЮ

Небо над городом
хмурится, бесится,
в воздухе пахнет грозой,
нет на нём звёзд,
Нет на нём месяца,
нету и нас с тобой.

Небо над городом
плачет, смеркается,
жадной пастью
глота луну,
мне от реальности
только останется
зреть вглубь себя –
в пустоту.

Небо над городом
краскою чёрною
стекает по стенам
прозрачного мира,
столько херни –
и вся нерешённая:
просто невыносимо.

Небо над городом
клубится, сверкая,
стрелы огня
бросая на землю,
мне остается терпеть,
привыкая,
что жизнь –
всего лишь мгновение...

ИЛЛЮЗИЯ

Голыми пятками по чужим карнизам
хрупкого зеркального мира
время отражает лица
я не смогу убежать.

А внизу гудят машины
каждый шаг может стать падением
я создаю что-то такое
в чём не смогу дышать.

Под фонарём стареет кукла
в выдуманной собой свободе
я предел её фантазий
я этот фонарь.

Выдернули из розетки
крик безликого студента
он не смог замочить старуху
каждому своя грань.

По земле блуждают боги
продолжая своё племя
продлевая своё время
всё превращая в ад.

В пустоте возникает личность
и вскрывает себе вены
наполняет её трупом
это уже азарт.

Окна стали зеркалами
но не отразили неба
я оступился и так нелепо
я полетел вниз
разбиваясь о понятия.

Миры обезьян наполненные трупами
их трудами и философией
я снова ступил на карниз...

УБИЙЦА РАСТЕНИЙ

ПОЭМА №1

Этот текст про парня, чья половина тела
Принадлежала миру не нашему, а параллельному.

Теряясь в догадках, как вышло всё это,
Как его половина лица
Соседствует в мире с другой половиной
Из мира другого, не нашего явно.

Бредёт по дороге то в мире он в том,
То в этом, другом.
Людей никаких в помине там нет –
Что ж делать ему?

Видит знак он дорожный,
Изображающий ведьму, и понимает,
Что не одинок.

Осталась от ведьмы одна голова сушёная –
В листьях валяется она.
Но лучик надежды, мы видим, пробился едва –

Паучьи лапки из головы лезут, несут её к глади воды.
Но сперва
Расскажем про Мэри,
Что стороной решила в тот день обойти озерцо,
Но, к счастью, погодка жаркой была, и всё ж решила искупаться она.

И видит Мэри погружённую ногами в воду
Девушку стоящую, облепленную божьими коровами.

То ведьма живая воскресшая –
За руку парня схватила она
И в путь-дорогу уволокла.

Безумный скиталец услышал голос чей-то впереди себя,
Почти лишившись сил своих, он понял,
Что путь прошёл не зря.

Шагаю я по улице –
В кармане три рубля,
Навстречу мне шагает молодость моя.

Зайду я к Фёдору на чай,
А, может, на лапшу –
И буду долго осмыслять жизнь бурную свою.

Лапша растёт с его лица вместо бороды...
Чтоб всухомятку не жевать –
Нальём туда воды.

Я буду долго умолять не разбавлять мне чай
Но и о том, что есть лапша, не стоит забывать.

Тяжёлый случай. Я умру. Клиническая смерть.
Прожить мне трудно без лапши
Каждый новый день.

Ох уж эти люди!
Выходишь из дома –
Они тебя разглядывают.
Что вам от меня надо,
Толстосумы проклятые?
Жрите волчьи ягоды!
Набейте себе карманы,
Но только меня не бейте!
Сверлят и сверлят взглядом –
Не надо, вы не умеете!
Сколотите себе скамейки,
Чтобы, сидя на них, щёлкать семки.
Вся колючая правда в музеях,
А не где-то в записке за зеркалом
Или в доме соседском,
Где босая студентка
В одном из окон
На полях тетрадки для лекций
Оставляет заметку,
Но не о том, чтоб согреться,
И даже не перцем с корицей,
И не о счастливом детстве...
Напьётся пиздечки –
И так вот босая в парадную,
К небу руки воздев,
Чтобы вместе с другими девками
Увидеть знакомый конец.

Журнал создан под эгидой андеграундного просветительского паблика «**Зарин Пошёл!**»:

<https://vk.com/zaringo>

www.zaringo.ru

Художественное оформление: **Маша Жесть**

ИВАН ЧЕРНЫШОВ

ЕВГЕНИЙ

ИННОКЕНТИЙ

РОМАРКИН

МОНОТОНУС

МАРИЯ РОМ

КИРИЛЛ

ШИПОВНИК

ПОЕХАВШЕВ

АЛЕКСЕЙ

АСЯ М.

БОБРИК

АНДРЕЙ

VILESİK

АЛЕКСЕЙ РУЧИЙ

ИВАН ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

АДЕЛЬ

ВАСЯ БАБАЕВ

ЭРНСТ

ЕВГЕНИЙ ФАКТОГРАФ

МИРЬЯМ РАНЬЕНБАУМ

НИКОЛАЙ ЕЛЕТИН УБИЙЦА

РАСТЕНИЙ